

№ 3.

Восточно-Сибирская Библиотека.

Серия научно-популярная.

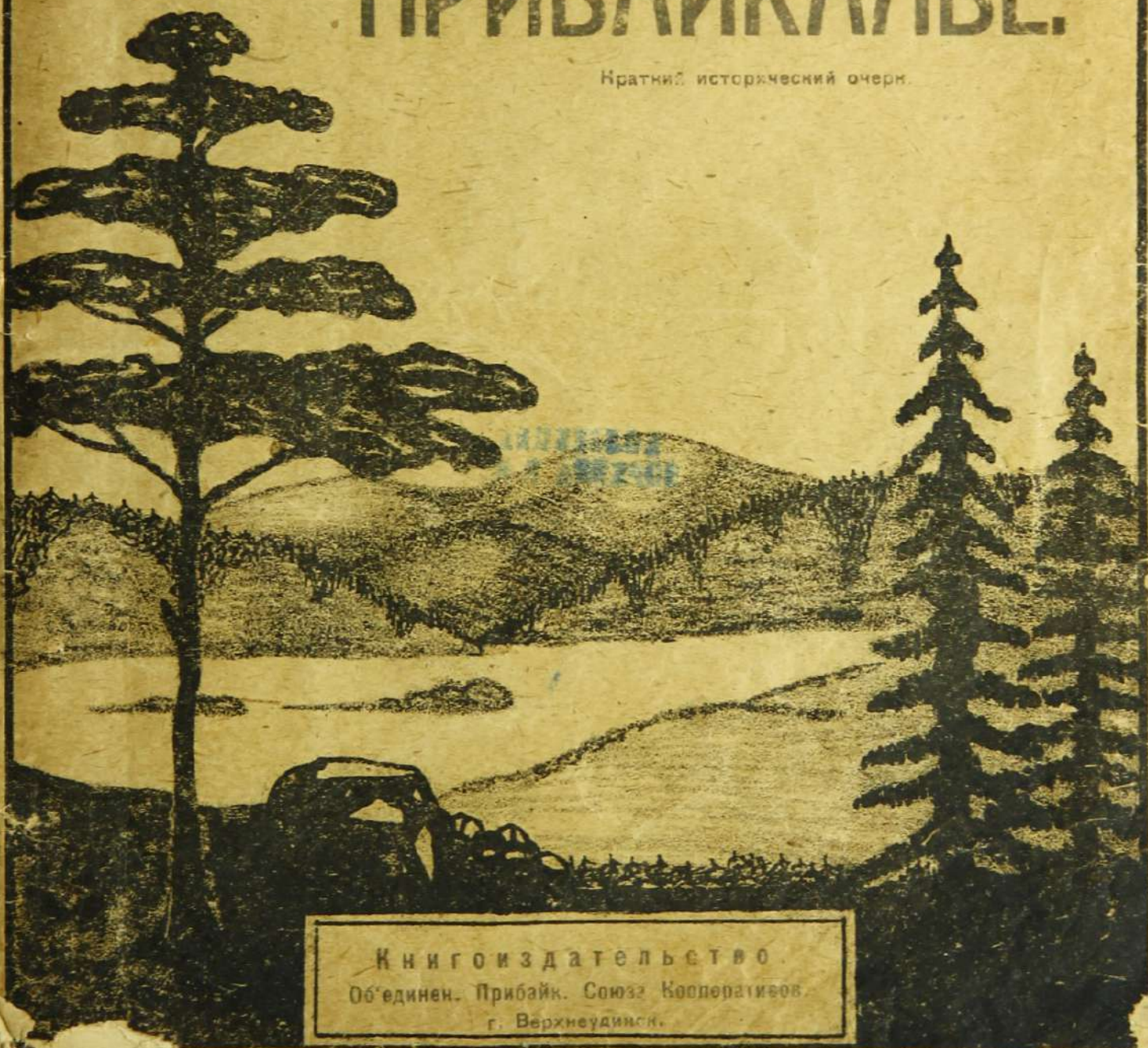
Отдел исторический.

№ 3.

Вл. Гирченко.

ПРИБАЙКАЛЬЕ.

Краткий исторический очерк.

Книгоиздательство
Объединен. Прибайк. Союз Кооперативов
г. Верхнеудинск.

ГУМАНИТАРНЫЕ
ЦЕНТР
ИРКУТСК

Б 5063

МБУК «ГЦ»	ФОНД РЕДКИХ КНИГ
--------------	------------------

КОЛЛЕКЦИЯ
ЗОРЕКНА В.И.

Краткий очерк истории Прибайкалья.

Поступательное движение на восток русских военно-промышленных отрядов, заносивших Сибирь, к концу 30-х годов 17-го века достигло берегов озера Байкала и вскоре затем распространилось на территории нынешних Прибайкалья и Забайкалья. Причинами, которые побуждали отряды казаков и промышленников продвигаться из Сибири предбайкальской в Забайкалье, были слухи о том, что за Байкалом лежит богатая страна, в лесах которой водится множество дорогих соболей, а недра земли изобилуют золотом и серебром. В наказах, которые давались отрядам, шедшим в Забайкалье, указывалось, что они посылаются «для прииску и приводе земли под царскую высокую руку, для государева ясачного сбора и для вести серебряные руды». Вторгаясь по речным долинам в глубь Прибайкальской горной страны, эти отряды основали здесь в сравнительно незначительный период времени (около 30 лет) ряд острогов и зимовий, послуживших опорными пунктами для закрепления Прибайкалья за Московским государством, в целях эксплуатации естественных богатств края.

Первыми русскими, вступившими в Забайкалье, были участники экспедиции, отправленной в 1638 г. из Енисейского острога под начальством атамана Максима Перфильева. Так как путь через Байкал был еще неизвестен, то экспедиция проникла в Забайкалье с севера, поднявшись от Олекминского острога вверх по рекам Лене и Витиму до притока Витима—реки Цили и обложила ясаком (т. е. данью, состоявшей из мехов пушных зверей) встречавшиеся по пути тунгусские племена. Эта экспедиция доставила Московскому правительству сведения о том, что во вновь открытом крае по Витиму до Еравнинских озер проживают «даурские люди». Поэтому посещенный Перфильевым край стал называться Даурией.

Спустя пять лет Якутский пятидесятник Курбат Иванов с партией якутских казаков и промышленников высадился на Байкальском острове Ольхоне и, внезапно напавши на живших там бурят, захватил большую добычу и много пленных. Отдельный отряд этой экспедиции по северному берегу Байкала дошел до реки Верхней Ангары, собрал ясак с живших там тунгусов и укрепился на зиму на р. Баргу-

зине, но следующей весной этот отряд был осажден тунгусами и истреблен весь, за исключением двух казаков, которые спаслись, переплывши Байкал на небольшой лодке.

Между тем из Енисейска была снаряжена другая экспедиция под начальством атамана Василия Колесникова, который высадился на южном берегу Байкала, но при устье р. Селенги на Кударинской степи встретил «больших братских людей», которые принудили его отступить. Тогда Колесников отправился в Забайкалье по западному и северному берегам Байкала, дошел до Верхней Ангары, где и заложил острог *Верхне-Ангарский*.—первый на территории Забайкалья (1646 г.). Часть отряда Колесникова, посланная для разведок по рекам Баргузину и Селенге, встретила при впадении р. Оны в р. Уду стан монгол-бурятского князя Турухай-Табуна, отнесшегося к русским дружелюбно и сообщившего, что в его владениях есть золотая и серебряная руда.

Следующая экспедиция, отправленная также из Енисейска во главе с сыном боярским Ив. Галкиным, снабдивши провиантом Верхне-Ангарский острог, гарнизон которого был совершенно забыт и питался травами и древесною корою, поставила на р. Баргузине острог *Баргузинский* (1648 г.). Вскоре за тем (1652 г.) был построен острог *Баунтовский* у озера того же названия в центре расположения стойбищ тунгусов Баргузинской тайги.

Спустя несколько лет через Прибайкалье был открыт новый путь, давший возможность русским отрядам проникнуть и в восточную (яблоновую) часть Забайкалья. В 1652 г. командированный за Байкал енисейским воеводой Пашковым сотник Бекетов, заручившись дружбой монгол-бурятского князя Култушина, вошел в устье Селенги и, перезимовав там, поплыл со своим отрядом вверх по Селенге и по Хилку, и в верховьях р. Хилка, на волоке*) между Хилком (система р. Селенги) и Ингодой (система р. Амура), вблизи озера Иргень, заложил острог *Иргеньский* (1653 г.). Отряд, посланный отсюда за Яблоновым хребет, основал там, при устье р. Нерчи острог *Нерчинский*

*) «волока» — путь между двумя реками, по которому приходилось тащить по суше, «золочить» речные суда.

(1654 г.). Через четыре года воеводой Пашковым был основан около озера Телембы острог *Телембинский*. В следующем десятилетии в области Еравнинских озер был поставлен острог *Еравнинский*.

В то же время русская колонизация распространилась и на долину реки Селенги. В 1665 году был основан вблизи впадения р. Чикоя в Селенгу острог *Селенгинский*. Через год при впадении в Селенгу реки Уды для сбора ясака с окрестных тунгусов было поставлено Удинское зимовье, превратившееся впоследствии в гор. Верхнеудинск.

По своему внешнему виду остроги представляли из себя квадратные, 15—20 саж. по каждой стороне, укрепления, состоявшие из бревенчатого частокола с заостренными верхушками и отверстиями в стенах для стрельбы, и по углам с деревянными башнями, с вышек которых стреляли при нападениях на острог.

Основанные в Прибайкалье остроги и зимовья являлись прежде всего средоточием сбора ясака с инородцев, кочевавших в районе данного острога. При сборе ясака служилые и промышленные люди, стараясь собирать ясак «с прибылью», совершали множество злоупотреблений и вымогательств. Несмотря на то, что московское правительство предписывало собирать ясак с инородцев «ласкою и приветом», а не жесточью и не правежом», ясачные сборы сплошь и рядом превращались в грабеж инородцев, которые только бегством спасались от окончательного разорения.

К острогам, как к защищенным пунктам, стягивалось немногочисленное русское население края, часто подвергавшееся нападениям со стороны кочевников. В окрестностях острогов и под их защитой возникали заимки хутора отдельных лиц. Несколько близ лежащих заимок со временем сливались в одну деревню, а разросшаяся деревня становилась экономическим центром для прилегающего района и получала название «слободы». В острогах, слободах и деревнях начали мало-по-малу развиваться земледелие, торговля и различные промыслы, а в связи с этим стали обособляться и отдельные группы населения—служилые и промышленные люди, люди пашенные (крестьяне), торговые люди (купцы). К этому первому периоду колонизации Прибайкалья относится начало политической и религиозной ссылки за Байкал. В 1656 г. в Забайкалье был сослан известный основоположник старообрядчества протопоп Аввакум, оставивший в своей автобиографии (житии)

интересные сведения о природе и хозяйственном быте Прибайкалья.

При основании Селенгинского острога была построена также и «изба с темными каютами» (тюрьма) для политических ссыльных, и в 1673 году в ней уже сидел бывший малороссийский гетман Демьян Многогрешный, сосланный в Забайкалье за то, что «писал хульные речи на государя и государство и обещал отдаться турецкому султану».

В 70-х годах 17 века колонизация Прибайкалья русскими и экономическое развитие края представлялись в следующем виде. Преобладающим видом промышленности были: охота за пушным зверем и рыболовство, основой которого служили огромные в то время рыбные богатства Байкала и впадающих в него рек—Селенги и Баргузина. Как рыболовство, так и пушной промысел производился большею частью артелями—«ватагами». В долине р. Селенги, начиная от Кударинской степи и до впадения в Селенгу речки Итанцы, шла полоса земледельческой колонизации. Здесь уже в ту эпоху существовал ряд заимок и деревень, из которых впоследствии образовались селения нынешних Троицкой и Кабанской волостей. Наиболее значительным пунктом указанного района была Ильинская слобода (ныне с. Ильинское, Троицк. вол.), в которой было около 20 дворов служилых и пашенных людей, производились большие посевы хлеба, с весьма высокой урожайностью (сам 20—30 и более). Этот земледельческий район заканчивался вблизи устья Итанцы. Далее, вверх по течению Селенги до самого Селенгинского острога было лишь два русских поселения—Удинское зимовье и заимка казака Федорова, при которой производились значительные посевы хлеба. Остальное пространство этой долины по левому берегу р. Селенги было занято кочевьями монголо-бурят, которые кочевали здесь в большом числе. Они управлялись тайшами, которые находились в зависимости от монгольского князя Очирой-Саин-Хава и Ургинского Хутухты, высшего духовного правителя Монголии.

Селенгинский острог заключал в себе в ту эпоху около 30 казачьих дворов, а всего мужского населения в остроге было около 200 челов. Около острога были расположены огороды («сады»), в которых произрастали китайские огурцы, чеснок, капуста и др. овощи. Селенгинские казаки занимались соболиным промыслом по хребтам в верхних р. Чикоя и рыболовством в р. Селенге. В то время началась также

эксплуатация и минеральных богатств края. Так, были произведены подготовительные работы к добыче соли из озера Соленого, находящегося в 30 верстах от Селенгинска, затем недалеко от острога в степи производились разведки в целях получения красящих веществ и квасцов. Кроме того в Селенгинске, как пограничном в ту эпоху пункте Прибайкалья, шла бойкая меновая торговля. Монголы, кочевавшие вблизи острога, продавали казакам лошадей, верблюдов и скот, а также всякие китайские товары, главным образом, ткани, получая взамен соборей и русские товары. Но при неопределенности пограничных отношений между Московским государством, Китаем и Монголией этот мирный торговый обмен часто сменялся резко враждебными отношениями.

С Сибирью предбайкальской Прибайкалье сообщалось в то время через Баргузинский район. Так как своего хлеба в Прибайкалье было далеко недостаточно для пропитания местного населения, то правительству приходилось ввозить в Прибайкалье значительное количество хлебных продуктов, доставлявшихся сюда из Енисейского острога через Баргузинский острог. Из Баргузинского острога грузы перевозились в прочие Даурские остроги с большими затруднениями сухопутьем через хребты и тайгу на лошадях и верблюдах.

Остроги, расположенные в восточной части Прибайкалья (Еравнинский, Телембинский, Иргенский), были очень малолюдными, заключая в себе всего по несколько дворов.

Малочисленность русского населения в Прибайкалье явилась поводом для военных столкновений, происшедших в Прибайкалье в 80-х годах 17 века. Будучи хорошо осведомлены о малолюдстве острогов, монгольские племена в различных местах Прибайкалья начали переходить в наступление, стараясь выжить из своих «породных» земель чуждых пришельцев. Так, в 1682 г. к селенгинскому острогу и Удинскому зимовью подступили монголы, убивали живших по займам русских, отгоняли лошадей и скот и угрожали «воинским походом». В 1685 г. Селенгинский острог подвергся еще более тесной осаде со стороны монголов, которые «залегли» по всем дорогам.

Эти наступления отчасти были результатом политики тогдашнего китайского богдыхана (императора) Канси, который считал Забайкалье частью своей империи. В целях борьбы с русскими, Канси заклю-

чил союз с монгольским князем Саин-Очирой Ханом и Ургинском Хутухтой.

Сложившееся в Прибайкалье положение дел в связи с затруднениями на Амуре, где русский гарнизон в Албазине был осажден 5-тысячным китайским отрядом, вызвало со стороны Московского правительства экстренные меры. Был спешно сформирован — частью в Москве, частью в Западной Сибири — «Даурский полк» численностью около 2000 чел. Этот полк в 1687 г. был продвинут за Байкал, под начальством окольного Ф. А. Головина, в руках которого была объединена власть над всеми острогами Енисейского района и Даурскими.

По прибытии за Байкал Головину удалось в начале 1688 года отбить от Селенгинского и Удинского острогов осаждавшие их монгольские отряды. В этом деле значительную помощь оказал Головину командовавший Селенгинским гарнизоном бывший Малороссийский гетман Демьян Многогрешный, сосланный за Байкал по политическому делу и ранее содержавшийся в Селенгинской тюрьме. В целях ограждения Прибайкалья от дальнейших нападений, Головин предпринял поход в долину р. Хилка, где сосредоточились монголы, отбитые от Селенгинского и Удинского острогов, и там разбил их на голову, забрав много пленных, рогатого скота и лошадей. В течение этой Забайкальской экспедиции Головиным было приведено в русское подданство и в ясачный платеж 8 монгольских тайшей с их улусными людьми и свыше 2000 ч. «братских иноземцев».

27 августа 1689 года в Нерчинске Головиным был заключен с китайцами Нерчинский договор, по которому восточной границей русского Забайкалья становилась река Аргунь, русские обязывались срыть и покинуть Албазинский острог, река Амур оставалась во владении Китая. Русским было предоставлено право посылать торговые караваны в Пекин.

Южная граница Забайкалья с Монголией договором не была определена, что в дальнейшем повело к разным осложнениям. Значение Нерчинского договора заключалось в том, что он формально закрепил Забайкалье за Московским государством.

Из мероприятий Головина по отношению к Прибайкалью следует отметить отстройку острогов Итанцинского и Кабанского, преобразование в острог Ильинской слободы. Тогда же Удинское зимовье превращено в острог, который и был

укреплен постройкой новых стен. Удинский острог был расположен на горе над р. Удой, недалеко от ныне существующего Удинского моста. Еще в 70-х годах прошлого века многие старожили помнили острожную крепость с башнями, из которых на одной был медный орел, с бойницами и тайником, т. е. подземным ходом на Уду за водой. Впоследствии какой то из верхнеудинских городничих, заклятый враг археологии, приказал сломать крепостные строения и засыпать тайник под тем предлогом, что там могут укрываться беглые. — Удинский острог к концу 17 века сделался важным пунктом Прибайкалья. Это способствовало то обстоятельство, что прежний путь из Прибайкалья в Нерчинск, совершавшийся водою по р. Хилку, заменился более короткой и удобной сухопутной дорогой, шедшей от Удинского острога на восток по долине р. Уды. Находясь на пересечении Нерчинского и Селентинского путей, Удинский острог начал служить узловым пунктом Прибайкалья. Уже в 80-х годах 17 века через Удинск ездило в Нерчинск и Иркутск много торговых и промышленных людей, плативших здесь пошляины.

После экспедиции Головина большая часть пришедших с ним отрядов осталась за Байкалом и значительно увеличила собою редкое в ту эпоху русское население края. Население это увеличивалось также путем переселения за Байкал ссыльных, которые или верстались на службу, или сажались на пашню. Но наиболее многочисленной была струя колонизации вольно народной, совершавшейся стихийно под влиянием гнета крепостной неволи, гонений на старообрядцев, тяжести податей и тому подобных социальных и политических неурядиц Московского государства.

Увеличивавшееся население Прибайкалья быстро расселялось по территории края, отесняя бурят и тунгусов в сторону от более значительных речных долин, которые сделались главными очагами земледельческой культуры. К концу 17 века русские заимки появляются по рекам Чикою, Хилку, Тугную, Уде, Итанце. Земледелием стали заниматься все группы тогдашнего населения Прибайкалья. Служилые люди получали земельные участки взамен следуемого им хлебного жалования. Крестьяне пахали так называемую „государеву десятинную пашню“, сущность которой заключалась в том, что садившийся на землю обязывался в точном количественном соответствии с размером того зе-

мельного участка, который он пахал на себя („собинная пашня“, „своя пахота“) обрабатывать установленное количество казенной—„государевой“ пашни. В Забайкалье обычно за 1 десят. казенной пашни пахали „на себя“ по 4 десят. Был и другой вид земельного обложения—„оброк“, когда земледелец вместо обработки казенной пашни платил в казну натуральный налог—известное количество хлеба („отсыпной хлеб“) соразмерно величине обрабатываемого участка и его урожайности. Но кроме земель, которые состояли на учете у правительства и облагались десятинной пашней или оброком, в Прибайкалье, как и во всей Сибири, было много земельных участков, которыми население завладело, никого не спрашивая, путем фактического занятия пусто-порожных земель. Такие участки обычно были расположены вдали от казенных пашен, по долинам речек, падам и распадкам, часто в низких таежных местах. В участки эти занявшие их вкладывали значительное количество труда по расчистке земли из под леса и кустарника под пашни или покосы. На этих участках ставились „заимки“, которые в свою очередь являлись опорными пунктами для дальнейшего освоения населением пусто-порожных земель в целях сельско-хозяйственного их использования. Тем не менее, земельной собственности в сельских местностях не возникло. Вся земля считалась принадлежащей государству, население же владело землею лишь на праве пользования.

На ряду с указанными выше видами колонизации Прибайкалья следует отметить и колонизацию монастырскую. В начале 80-х годов 17 века в Прибайкалье были основаны два монастыря—Троицкий и Иосольский, (последний назван так потому, что был построен на том месте, где в 1651 г. был убит монголами царский посол Заблоцкий)

Монастырям были отведены обширные пространства хлебопахатных земель и покосов, леса и рыбные ловли по Селенге, Хилку, на Байкале и на озере Катоколь (в Баргузинском уезде). Это дало возможность монастырям, в особенности Троицкому, развить значительное хозяйство. Монастыри селили на своих землях гулящих (т. е. неприписанных ни к какому сословию) людей и крещеных инородцев, при чем эти люди и их потомство закреплялись по договорам за монастырем на вечно («в роды родов»). Так как женщин в Сибири было мало, то монастыри покупали захваченных в плен инородческих

женщин и, окрестивши, выдавали их замуж за своих монастырских вотчинников. В результате такой колонизации на монастырских землях возник целый ряд селений, составивших монастырские „вотчины“—Троицкое, Темлюйское, Твороговское, Телешево, Сидорово, Дворец—по нижнему течению Селенги; Мало-Куналейское, Буя, Елань, Кукуй, дер. Хилюцкая (Харитоновна)—по р. Хилку. К половине 18-го века, во владении Троицкого монастыря числилось крестьян около 400 душ мужск. пол. В то же время монастырь, ведший обширное хозяйство, имел кожевенный завод, 4 мельницы, 247 лошадей и 443 головы рогатого скота.

Таким образом, оба монастыря, в особенности Троицкий, играли важную роль в экономической жизни Прибайкалья в течение первой половины 18-го века.

Увеличение населения в Прибайкалье способствовало таким образом развитию в крае земледельческой культуры, создавая в то же время благоприятные условия для возникновения и развития здесь промыслов и торговли. В области торговых отношений большое значение для экономики Прибайкалья в течение периода более 200 лет, представлял «Кяхтинский торг», т. е. торговля России с Китаем и Монголией, производившаяся на южной границе Прибайкалья.

Московское правительство начало интересоваться Китаем и Монголией еще в царствование Ивана Грозного. Был отправлен ряд казачьих экспедиций и посольств «для проводывания Китайского государства и Монгольской страны». После появления за Байкалом русских и по заключении Нерчинского договора торговля России с Китаем стала производиться путем посылки в Пекин русских торговых караванов через Нерчинск, а затем с 1709 года и через Селенгинск. О том, что представляли из себя эти караваны, дают некоторое представление цифры, относящиеся к одному из караванов, отправленному в Китай в 20-х годах 18 века. В этом караване было: людей „всякого чина“—205, лошадей—1650, телег с товарами—474, телег с провиантом—162 и скота—565 голов

Товары, отправляемые в Китай, состояли главным образом из „мягкой рухляди“, т. е. дорогих сортов пушнины, преимущественно соболей и чернобурых лисиц. Теми же караванами привозились из Китая золото и серебро, различные китайские материи—камки, фанзы, китайки, атласы, затем чай черный и зеленый и, наконец,

китайский табак. Между прочим, в Забайкалье в конце 17 и в первой половине 18 века китайские материи, как и пушнина, служили,—если употребить выражение настоящего времени—контр-валютой: при малом количестве имевшейся в обороте звонкой монеты материями и мехами производилась уплата за работы и за покупаемые товары и даже вклады в монастыри и церкви.

Главное препятствие для развития китайской торговли заключалось в том, что не было установлено на юге Забайкалья границы с Монголией и не существовало формального торгового договора между Россией и Китаем. На этой почве в 20-х годах 18 века дело дошло до полного разрыва налажившихся торговых сношений. Для улаживания создавшегося конфликта, в Китай в 1725 году был отправлен со званием „чрезвычайного посла и полномочного министра“ Савва Владиславич граф Рагузинский. Главными пунктами данной ему инструкции были—возобновление китайской торговли и установление твердой границы между Россией и Китаем. Для „подкрепления“ посольства был передвинут из Западной Сибири в Прибайкалье на китайскую границу Якутский полк, состоящий из пехоты и кавалерии числом в 2000 челов. Русский посол, пробывши около года в Пекине, выехал с китайскими уполномоченными на русско-китайскую, формально еще не установленную, границу на юге Прибайкалья, и здесь, на р. Буре, в 10-ти верстах от того места, где впоследствии возникла слобода Кяхта, был заключен 20 августа 1727 года Буринский договор. По этому договору торговля между Россией и Китаем была объявлена беспошлинной, русским предоставлено было право посылать в Китай караваны по одному в каждые три года; для меновой пограничной торговли были установлены два пункта—на реч. Кяхте и на р. Аргуни, в урочище Цурухайтуе; была установлена граница между южным Забайкальем и Монголией, существующая и по настоящее время.

Еще до окончания Буринских переговоров по распоряжению Рагузинского на реч. Кяхте был построен гостинный двор, вокруг которого вскоре возникла торговая слобода Кяхта. В 4-х верстах от гост. двора была заложена крепость с церковью в ней во имя Троицы и с приделом Саввы Сербского, отчего произошло название Троицкосавска. В то же время командир Якутского полка Бухгольц приступил к постройке Петропаловской кре-

посты на так называемой Стрелке, при впадении р. Чикоя в Селенгу (ныне село Стрелочное).

Развившаяся торговля с Китаем через Кяхту, имея общероссийское значение, являлась для Прибайкалья в значительной ее части торговлей транзитной, но и в этом виде она сыграла важную роль в экономической жизни края. Главной артерией, по которой передвигались через Прибайкалье торговые грузы, была р. Селенга. В связи с этим расположенные по р. Селенге остроги—Селенгинский, Удинский, Ильинский и Кабанский—становятся поселениями городского типа. Значительную часть их населения в 18 веке составляли „люди посадские“, т. е. купцы и ремесленники, число которых непрерывно пополнялось выходцами из Европейской России. Поэтому четыре названных острога получили административное устройство по правилам городского („магистратского“) управления, введенного при Петре В. Органами этого управления в Прибайкальских острогах были „Земские избы“.

Экономическим центром Прибайкалья к концу 18 го века стал Удинский острог (впоследствии г. Верхнеудинск), который сделался складочным пунктом между Иркутском, Кяхтою и Нерчинском. Значение Удинска стало увеличиваться благодаря открытию в нем с 1768 г. ярмарки, которая в течении многих лет являлась регулятором цен не только для всего Забайкалья, но и для Иркутского района.

Кяхтинская торговля, потребовавшая много рабочих рук для обслуживания своего транспорта и привлекавшая значительное количество капиталов, увеличила емкость местного рынка, что в свою очередь способствовало расширению сельского хозяйства и развитию местных промыслов—кожевенного по нижнему течению Селенги, горного—в основанном в 1788 году Петровском Заводе, добычи соли-при Соленом озере вблизи Селенгинска, рыболовства на озере Байкал, по Селенге и Баргузину, и т. п.—Под влиянием этого оживления экономической жизни в прежний натуральный строй хозяйства, мало зависевший от рынка, мало по малу стали проникать элементы хозяйства денежного.

Но вторжение капитализма в экономические отношения края не замедлило обнаружить и свои отрицательные стороны. Вследствие огромности расстояний до торговых центров Европ. России и затруднительности сообщений с ними лишь очень незначительное число купцов могло принять участие в ведении торговых опера-

ций в Сибири. Эти купцы-монополисты продавали привозимке ими товары по очень высоким ценам, очень дешево скупали у крестьян и инородцев местные продукты, а отпуская товар в кредит, тем самым закабалили местное население. Эта кабала торгового капитала была широко распространена как в Сибири, так и в Прибайкалье, и очень часты были случаи, когда малосостоятельные люди, попавшие в такую кабалу, отдавали в заклад своих детей. Монопольный характер носила и Кяхтинская торговля, находившаяся в руках нескольких богатых купцов.

В связи с указанными изменениями в экономической жизни края преобладающее значение в составе местного населения приобретают торгово-промышленный класс, обогащавшийся от торговли, и крестьянство, сельско-хозяйственная деятельность которого сделалась основой экономики края.

Начавшаяся в 17-м веке политическая ссылка в Забайкалье получила в 18-м веке очень значительное развитие особенно в тот период, который известен в русской истории под названием „эпохи дворцовых переворотов“ (1725—1762 г. г.), когда каждая перемена на императорском троне сопровождалась массовой ссылкой в Сибирь противников правительства, ставшего у власти, и возвращением оттуда его приверженцев, сосланных предыдущим правительством. Часть этих ссыльных попала и в Прибайкалье. Так, в 1740 году в Селенгинск был сослан Бировом малолетний сын Волынского, бывшего кабинет-министром в правительстве Анны Ивановны. В Селенгинск же сосланы были „за злые умыслы“ на императрицу Елизавету вице-адмирал Степан Лопухин с женою, которая являлась блестящей представительницей знати того времени. Нат. Фед. Лопухина за неосторожные отзывы об императрице была до ссылки подвергнута пыткам и наказанию кнутом с урезанием языка.

В 1740 году сослан был в Сибирь за участие в деле Волынского бывший любимец Петра I вице-президент адмиралтейств-коллегии Фед. Ив. Соимонов, один из образованнейших людей своего времени, первый составивший карту Белого моря и впервые описавший берега Каспийского моря. По наказанию кнутом, с вырезанными ноздрями, он был отправлен Бировом в каторжную работу на Охотский солеваренный завод. При Елизавете он был признан невинным, но продолжал оставаться

в Сибири, жил долгое время в Забайкалье, где занимался между прочим измерением фарватера р. Шилки и разведыванием путей по Амуру. Узнав в 1757 году Софмонов из ссылки, жившего на пропитании, сделався Сибирским губернатором. Им устроены, между прочим, на Байкале при Посольском монастыре маяк и гавань. Софмонов написал кроме того несколько статей, относящихся к изучению Сибири.

Местами заключения политических ссыльных в Сибири были также и монастыри. В Прибайкалье для этой цели служил Троицкий монастырь. В 1749 г. в этот монастырь был прислан под конвоем из Петербурга Тайной канцелярией умалишенный поручик Ковалев „для исправления его в уме“. Настоятелю монастыря, как это видно из монастырских архивных дел, предписывалось держать Ковалева в строгом одиночном заключении под крепким караулом «дабы он из монастыря не мог себе утечки учинить, а буде он, Ковалев, станет произносить какие непристойные слова, тогда класть ему в рот кляп, который вынимать токмо тогда, когда пища давана ему быть имеет». — Этот несчастный, психически больной человек содержался в монастырской тюрьме в течение свыше 20-ти лет. Лишь в 1770 году разрешено было освободить Ковалева из монастыря и отправить его к родственникам — в расуждении его безумства и долговременного его заключения».

Со второй половины 18-го века состав политической ссылки в Забайкалье значительно пополняется участниками больших народных восстаний против существовавшего социально-политического строя. Так, в связи с ликвидацией потрясшего все государство Пугачевского восстания, за Байкал в 1775 году было сослано много яицких (уральских) казаков, принимавших участие в бунте, причем наиболее виновные и упорные были водворены при заводах и рудниках на каторге, а остальные поселены при деревнях.

Около половины 18-го века численность Прибайкальского крестьянства значительно увеличилась благодаря переселению в Прибайкалье старообрядцев семейских*). Предки семейских, вместе с предками тех старообрядцев, которые живут и настоящее время на Дону и в Добрудже, жили до „никонианских нововводств“ в области к югу от Москвы; в пределах нынешних Тульской, Орловской, Калуж-

*) Название «семейские» произошло от того, что старообрядцы переселялись в Прибайкалье семьями.

ской и южной части Рязанской губерний. Гонения на раскол при Алексее Михайловиче и при Петре I заставили часть этого населения бежать за границу, в Польшу. Там эти беженцы поселились в северной части нынешней Черниговской губернии — в Стародубье и в соседнем крае Могилевской губ. — в Ветке.

Екатерина II, желая заселить огромные пространства на окраинах тогдашней Европ. России и в Сибири, особым манифестом пригласила бежавших за границу старообрядцев возвратиться в Россию и селиться в Приволжье и в Сибири, обещая им разные льготы и царское содействие правительства при устройстве на новых местах. Часть этих, живших в Польше, старообрядцев переселилась в Прибайкалье, причем это переселение совершалось в течение целого ряда лет отдельными партиями.

Для водворения за Байкалом „излишних поселщиков“ и устройства их быта создано было в 1766 году в Селенгинске, тогдашнем административном центре Прибайкалья, особое учреждение „Хлебопашества и поселения Контора“, во главе которой был поставлен плац-майор Селенгинского гарнизона Назабордин. Высшее руководство делом устройства переселенцев лежало на Селенгинском коменданте, должность которого в то время занимал генерал Якобий.

Переселению семейских за Байкал предшествовала работа местной военной администрации, — в заведывании которой находилось сельское хозяйство края, — по заготовке земельного фонда для переселенцев, по приведению в известность вообще местных казенных земель и по регулированию права наделенная землей и условий землепользования.

Первые прибывшие партии старообрядцев были поселены на порожних местах в районах селений Ураука и Байхора. Последующие партии расселялись по р. Хилку. Селившиеся на землю переселенцы снабжались хлебом на продовольствие и на семена, сельско-хозяйственными орудиями и лошадьми, в течении первых шести лет освобождались от платежей и повинностей, а по истечении этого срока платили подушную подать и натуральный земельный налог по 2 пуда с десятины.

В результате расселения по южному Прибайкалью этих мощных и трудолюбивых колонистов-землеробов, существовавшие ранее в указанных районах незначительные поселки превращаются к началу 19-го века в огромные богатые селения (Вичура,

Мухор-Шибирь, Тарбагатай, Урлук, Хонхой, Никольское и другие), производившие огромные посевы, продуктами которых снабжалось не только все Забайкалье, но и Иркутский район.

К 1775 году численность населения в различных населенных пунктах Прибайкалья по отдельным сословиям выражалась в следующих цифрах душ мужск. пола:

Названия населенных пунктов	Посадских	Цеховых	Крестьян	Рабочих и дворовых	Вольных инородцев	Итого
Город Селенгинск	346	101	—	341	6839	7727
В ведомстве его:					(В районе).	
В подгородных 32 деревнях	—	—	1265	—	—	1265
В Удинском пригородке	60	6	—	205	—	271
В Ильинском остроге	623	—	594	82	—	1279
В Кударинской слободе	—	—	—	70	—	70
В Кабанском остроге	250	37	306	6	—	599
В Кяхтинском фор-посте	231	943	—	—	—	1174
В Посольском Преображенском монастыре	—	—	134	—	—	134
В Троицком монастыре	—	—	433	—	—	433
В Баргузинском остроге	—	—	—	313	495	808
В Итанцинском	50	—	133	—	—	183
В Еравнинском остроге	—	—	—	34	—	34
Да из России отданных от помещиков за вина и выводимых из Польши поселщиков приведено в Селенгинск. район одного муж. пола	—	—	1660	—	—	1660
Итого:	4560	1087	4525	1031	7434	15637

Таким образом к 1775 году в общей массе населения Прибайкалья, инородцы составляли немного менее половины (47 процентов), крестьяне—29 проц. и различные категории городского населения—24 проц. Следует отметить сравнительную многочисленность городского населения в острогах Ильинском и Кабанском, превратившихся впоследствии в 19-м веке, в поселения сельского типа. Вообще район нижней Селенги („Приморье“) во второй половине 18 го века носил ярко выраженный промысловый характер. Сохранившиеся от того времени архивные документы свидетельствуют о том, что в окрестностях Ильинского и Кабанского острогов было «кожевенных фабрик не малое число». Продукты производства—кожи и юфть сбывались в Кяхте и вывозились за границу. Буряты, жившие по Кударинской степи, снабжали район скотом.

Весьма значительное развитие получил в ту эпоху рыбный промысел на

Байкале и по впадающим в него рекам—Селенге и Баргузиу.

Рыбные богатства Байкала приобрели известность и в Европейской России: в царствование Елизаветы Петровны большая часть статей на Байкале была отдана в арендное содержание графу Шувалову. Рыбные промыслы от острова Лиственничного до Селенги принадлежали в ту эпоху Троицкому монастырю. Все большие и малые лодки, ходившие для промысла по Байкалу, были вооружены единорогами (особый вид пушки) для защиты от разбойников, раз'езжавших тогда по Байкалу большими партиями.

В конце 18-го века рыбный промысел в указанном районе производился несколькими артелями, из которых каждая состояла из 20 ти и более пайщиков и имела на откуп известные рыболовные места как в самом Байкале, так и по впадающим в него рекам. Так как засорение устьев Селенги являлось значи-

тельным препятствием ходу рыбы из Байкала в реку, то рыболовные артели производили огромную работу по расчистке устьев реки, благодаря чему улов значительно увеличивался. В связи с рыбопромышленностью здесь развились и кустарные промыслы—изготовление телег и бочек для засолки рыбы.

В 1790 году города Прибайкалья Верхнеудинск и Баргузин получили особые гербы. Герб Верхнеудинска, как сообщает один из старинных сибирских писателей, таков: „На золотом поле Меркуриев (Меркурий—бог торговли у древних римлян) жезл и рог изобилия в знак того, что в сем городе производится значительный торг и условия о торге“. Герб Баргузина: „В серебряном поле сидящая белка в знак того, что в уезде этого города ловится лучшая белка“. Селенгинск получил герб в XIX веке, после того, как этот город был перенесен с правого берега реки Селенги на левый. Селенгинский герб изображал легендарную птицу—феникса, которая, по поверию древних, сгорала на костре, но затем возрождалась из пепла, выходила молодой и свежей.

В самом конце XVIII века (1797 г.) численность русского населения в Прибайкалье, согласно сохранившимся архивным данным, выражалась в следующих цифрах душ мужского пола: купцов—224, мещан—2443, цеховых—187, крестьян государственных (старожилков)—4198, крестьян экономических (бывших монастырских)—728, „посельщиков“ (старобрядцев семейских)—2382, дворовых людей в г. Верхнеудинске, в уезде и в сельце Хандагатайском—66, итого 10228 душ м. п., следовательно, около 20 с половиной тысяч душ обоего пола.

Быт крестьянского населения Прибайкалья в 18 и даже в 19 веках носил в некоторых своих чертах отпечаток крепостничества, которым был пропитан весь строй тогдашней России. Так, согласно инструкции 1776 г. по сельскому управлению Прибайкалья, крестьян, несвоевременно вспахавших, посеявших или убравших свои поля, предписывалось „сечь розгами вешадно“, а за более мелкие проступки—приковывать на цепь к столбу, поставленному на улице около здания сельского управления.

К началу 19-го века сельское управление было установлено в более определенных формах. В 1797 г. селения государственных крестьян были разделены на волости. Распорядительными органами

сельского управления были волостные и сельские сходы, исполнительными в волости—волостное правление и волостной голова, в селах—„выборные“ и „десятские“. Но вместо того, чтобы быть органом крестьянского самоуправления, волостное правление в действительности превратилось в простое орудие для взимания податей, в низшую полицейскую инстанцию, всецело подчиненную чиновникам уездной полиции. В конце 18-го и начале 19-го века нередко предписывалось в случаях недостаточности энергичного взыскания недоимок держать старост и выборных закованными в цепях под караулом, пока они не выщут со своих сел недоимки.

Вообще бюрократический строй России отражался самым отрицательным образом на экономическом и культурном развитии Сибири. История управления Сибирью—это длинный ряд злоупотреблений, беззаконий, насилий и грабежей. Действующими лицами во всем этом выступали не только мелкие чиновники, но и сибирские правители самых высших рангов. Злоупотребления некоторых из них были столь вопиющи, что само центральное правительство применяло к чиновникам высшую степень карательных мер. Так в первой половине 18-го века были казнены в Петербурге Сибирский губернатор кн. Гагарин, Иркутский вице-губернатор Ялобов и Иркутский воевода Ракитин, занимавшийся грабежом в Забайкалье купеческих караванов, шедших из Кяхты. Конечно, такие кары насколько не улучшали положения: беззакония и взяточничество продолжались и в последующее время.

Кроме взятки чиновникам, население должно было платить установленные законами сборы: подушную подать, земельный оброк—сначала натуральный по 2 пуда с десятины, затем денежный,—мирские и земские сборы. На гораздо тяжелее всех этих сборов были натуральные повинности, в особенности дорожная и подводная. Каждый проезд через Прибайкалье губернатора или посольства в Китай дожилася тяжелым бременем на бюджет населения, главным образом крестьянства. Так, в 1776 г. Иркутский губернатор Немцев для обозрения Забайкалья проезжал на 110 лошадях, в 1805 г. для проезда в Китай посольства гр. Головкина требовалось на каждый перегон по 500 лошадей и т. п. Много страдало население также от разных причуд и сумасбродств местных администраторов, которые, находясь вдали от контроля цент-

ральной власти, чувствовали себя ни от кого независимыми правителями. Так, в 70-х годах 18-го века начальник Нерчинских горных заводов Нарышкин, крестник Екатерины II, из за соперничества во власти, предпринял поход против Иркутского губернатора Немцева. Нарышкин двинулся из Нерчинского завода через Перчивск, Братскую степь и Верхнеудинск на Иркутск в сопровождении толпы народа и с Даурским гусарским полком, который он сформировал из бурят. Кроме того, в этой процессии везли пушки и колокола. По дороге в деревнях звонили и стреляли, а чтобы увлечь еще более народа, поили его вином и разбрасывали в толпу казенные деньги. В степи на отдыхе, кипели огромные котлы, в которые сваливался пудами чай и сахар; вино выставлялось бочками. Все это забиралось со встречных обозов. Нарышкин совершил таким образом шумный тысячеверстный поход до Верхнеудинска, и только воеводе этого города Тевяшеву удалось при помощи хитрости арестовать Нарышкина и тем самым положить предел деяниям „шалуна“, как назвала его Екатерина II.

Для некоторых групп населения Прибайкалья помимо общих тягот, налагаемых государством, правительственная политика создавала особо тяжелые условия в отношении отдельных сторон народной жизни. Таковы были, например, правительственные гонения против старообрядчества, открывшиеся в царствование Николая I по всей России. Державшееся на крепостном праве российское государство при Николае I-м начало борьбу со всеми враждебными ему силами, в том числе и со старообрядчеством. Правительство поставило себе определенную цель: постепенно уничтожить раскол, действуя так, чтобы наличные старообрядцы дожили свой век, а новых не было.

Все направленные к указанной цели правительственные мероприятия отразились и в Прибайкалье, в особенности в 40-х и начале 50-х годов 19-го века. Со старообрядческих молитвенных зданий в селах Прибайкалья были сняты кресты и колокола, самые церкви и часовни были запечатаны, приезжавшие в Прибайкалье для обслуживания религиозных запросов местного старообрядчества старообрядческие священники, которые в официальной переписке носили название „беглых попов“, арестовывались и высылались на родину; были случаи массового расторжения старообрядческих браков, признанных полицейским и епархиальным начальством незакон-

ными и т. п. Особенно много хлопот и тревог доставляли администрация розыски и преследования „беглых попов“. Так, в 1812 г. по распоряжению Иркутской губернской власти в Мухомор-Тибирской и Куналейской волостях разыскивался беглый поп Иван Петров, привезенный старообрядцами из Казанской губернии. Во исполнение этого распоряжения волостные и сельские власти во всех селениях указавших волостей „в каждом доме чинили обыск“, но Петрова не нашли. Затем старообрядцы заявили исправнику, что выдать Петрова „в светские руки“ они считают для себя тягчайшим грехом, но обещаются отправить его сами в Казанскую губернию. Начальство согласилось на это, но дело с отправкой Петрова затянулось, и губернская власть, в виде репрессивной меры, распорядилась в указавших волостях отрешить от должностей всех волостных голов и сельских старшин из старообрядцев „за упорство и неповиновение в выдаче беглого попа“, и выбрать на их место из старожилов (православных). Однако это не помогло делу, Петров не был разыскан, и только в 1814 г. администрация узнала, что он умер в Бичуре. К 30-м и 40-м годам 19-го века относятся шумные и хлопотливые розыски администрацией в Прибайкалье старообрядческих священников Боршева, Мезенцева и других. По преданиям, сохранившимся среди старообрядческого населения из эпохи религиозных гонений, распоряжение епархиальной власти о снятии с молитвенных зданий крестов и колоколов не удалось осуществить в селе Харауз, где женщины отстояли неприкосновенность часовни (мужское население в это время по какому то делу находилось в Петровском Заводе). Однако вскоре часовня эта была запечатана полицией и простояла так 16 лет до 1858 г., когда прибыл из Европейской России старообрядческий священник Печаяев, который распечатал часовню. В целях разложения старообрядчества правительство усиленно насаждало в старообрядческих районах так называемое „единоверие“. Единоверцы соглашались признать иерархию и догматы православной (синодальной) церкви, а взамен получали духовенство, обязавшееся служить по старым обрядам. Насажденные единоверия в Прибайкалье, как и в других местах России, вызвало острую вражду между старообрядцами и единоверцами, во в конечном счете не дало ожидавшихся правительством результатов.

Правительственные гонения и репрессии вызывали в некоторых старообрядческих селениях Прибайкалья резкие протесты. Население, собравшись „скопом“ в несколько тысяч человек, вооруженных ружьями, топорами, вилами и дубинами, выступало на защиту своих святынь и служителей культа и арестовывало полицейских чиновников, выполнявших ту или иную репрессивную меру. На место бунта вызывались войска,

сопровождаясь иногда и артиллерией. Дело обычно заканчивалось тем, что „зачинщики“ заключались в острог или высылались в Якутскую область, и жизнь мало помалу входила в свою обычную колею.

По имеющимся в литературе сведениям, в конце 50-х годов 19 го века на почве розмоек „белого попа“, произошел „бунт“ в с. Вичуре. Когда полицейский чиновник (заседатель) хотел арестовать попа, которого старообрядцы развозили по селениям, то собравшаяся толпа отвала его, заседатель был арестован, увезен в Вичуру и там посажен в подполье. Получив в Иркутске сведения об этом происшествии, тогдашний генерал-губернатор Муравьев (Амурский) поскакал верхом по Кругобайкальской дороге (сообщения через Байкал глубокой осенью не было) и прибыл в Вичуру. Здесь он нашел толпу старообрядцев в несколько тысяч человек, вооруженную чем попало, а вблизи них роту линейного батальона. Путем убеждений Муравьеву удалось склонить толпу к повиновению. „Зачинщики“ и старообрядческий священник были отправлены в тюрьму, и „бунт“ был ликвидирован.

Единственное средство скольконибудь смягчить правительственные гонения заключалось в том, что население давало значительные взятки („галтуру“) полицейским чиновникам, из которых многие жили большими состояниями на этих „раскольничьих делах“, как они назывались на официальном языке того времени.

Сначала 19-го века получает широкое развитие политическая ссылка в Забайкалье. Все более или менее выдающиеся революционные вспышки и брожения, которые возникали в течение этого века в Европейской России и в Польше, сопровождались, по их ликвидации правительством, выбрасыванием значительного количества „государственных преступников“ на каторжные работы или на поселение. Одним из главных мест, назначенных правительством для отбывания этих видов наказания, было Забайкалье.

Первые кадры политической ссылки за Байкал в 19 веке состояли из декабристов. Восстание декабристов (в декабре 1825 года), поставившее своей целью замену самодержавного строя России представительным правлением, не имело успеха. Только что вступившему на императорский престол Николаю I-му удалось при помощи артиллерии рассеять на Сенатской площади в Петербурге отряды восставших. Затем началась жестокая расправа с руководителями и участниками восстания. Из них пять было повешено (Шестель, Рылеев, С. Муравьев Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский); большинство остальных было присуждено к каторжным работам, меньшинство к ссылке на поселение в Сибирь. Каторжные работы декабристы должны были отбывать в Забайкалье. Сначала было

предположено распределить декабристов-каторжан небольшими группами по Нерчинским рудникам и заводам, но потом возникли опасения, что декабристы, воспользовавшись близостью китайской границы, уйдут в Китай и по Амуру проберутся в Америку. Поэтому было решено держать их в каторжном заключении всех в одном месте. Сначала декабристы содержались в Читинском остроге, а затем летом 1830 года были переведены в каземат, специально построенный для них в Петровском Заводе по указаниям Николая I-го. Переход из Читы в Петровский Завод (по дороге Чита—Верхнеудинск—Тарбагатай—Мухомор-Шибирь—Харауз) декабристы совершили пешком в течение 46 дней. В Петровском Заводе они содержались (в числе 76 из общего количества 121 осужденных по делу декабристов) до выхода их на поселение.

Культурное влияние декабристов на население Прибайкалья начало обнаруживаться уже в период пребывания их в Петровско-Заводской тюрьме. При каземате декабристами была организована большая школа, где дети местных жителей получали образование, начиная от низшего общего и ремесленного и кончая высшим. Среди самих заключенных возник первый в Прибайкалье университет, где читались лекции по всем отраслям науки и литературы, устраивались музыкально-вокальные концерты, велось обучение всевозможным ремеслам.

В то же время декабристы деятельно изучали местный край. П. П. Бобринский составлял коллекцию рисунков Забайкальской флоры (растительности) и орнитологическую (местных птиц); братья Бестужевы снимали виды окружающей природы и быта, Фаленберг—производил топографические съемки и др. С окончанием каторги, когда декабристы, с выходом на поселение, получили возможность войти в непосредственное соприкосновение с местным населением, влияние их на последнее значительно увеличилось.

Из декабристов жили на поселении в Прибайкалье: братья *Бестужевы* Николай и Михаил Александровичи и *Торсон* Конст. Петр.—в Селенгинске; *Горбачевский* Ив. Ив.—в Петровском Заводе; *Кюхельбекер* Мих. Карл. и его брат Вильгельм (друг Пушкина, обучавшийся вместе с ним в Царскосельском лицее)—в Баргузине; *Глебов* Мих. Ник.—в Кабанске; братья *Борисовы* Петр Ив. и Андрей Ив.—в селе Подлопатках; *Оболенский* Евг. Петр.—в селе Турунтаевском; *Шимков* Ив. Фед.—в селе Батуринском; *Муравьев* Александр Ник. и *Андреев* Андрей Ник.—в Верхнеудинске.

Получивши, как поселенцы, назначенные им по закону 15 десятин земли, декабристы занялись сельским хозяйством. Но в зависимости от индивидуальных особенностей каждого из них и от местных условий жизнь декабристов на поселении сложилась далеко неодинаково.

Из декабристов, поселенных в Прибайкалье, особенно выделялись своею хозяйственною деятельностью братья Бестужевы и Торсов. Селенгинск, куда они прибыли в 1839 году, бывший в 18 веке административным и хозяйственным центром Прибайкалья, не имел уже вида города. Едва можно было насчитать там около 60-ти домов, в числе которых 2—3 главных купцов можно еще было назвать домами, остальные были полуразрушенные, полусыпанные песком лачужки. В то время Селенгинск уже отжил свой век: он выполнил предназначенную ему роль и сошел со сцены. Торговля с Китаем сосредоточилась в Кяхте, администрация перешла в Верхнеудинск, войска были выведены, казенные здания распроданы на слом. И самая судьба, доселе к нему милостивая, отворотилась от него: Селенга начала подрывать его берег и отмыла целые улицы; горные потоки, при больших дождях, смывали здания, и песок, обнаженный от дерна, где прежде стояли казенные здания, засыпал дома жителей. Два страшных пожара в 1780 году окончателью докавали Селенгинск: первый истребил 278 частных домов, 60 купеческих лавок и 2 церкви; другой, в том же году, истребил все остальное. Но лишь в 1840 году разрешено было перенести город на другую сторону Селенги. Так изображает положение Селенгинска к сороковым годам 19 века Мих. Бестужев в своих записках.

Бестужевы и Торсов поселились в 5 ти верстах от города ниже по течению Селенги, на ее берегу, в сельской местности в соседстве с бурятами. Скоро они сблизились с селенгинским небольшим обществом, вошли в колею местной жизни, стали принимать участие во всех местных интересах, вопросах и развлечениях.

Бестужевы в широких размерах вели сельское хозяйство, занявшись между прочим совершенно новою для края отраслю животноводства—разведением тонкорунных овец (мериносов), доводя размеры стада до 600 голов.

Торсов знакомил местных жителей с улучшенными сельско-хозяйственными машинами, поставил мельницу и молотилку.

Михаил Бестужев изобрел особый вид экипажа, приспособленный для езды по горным дорогам Прибайкалья—„свидейку“. Желая, чтобы это изобретение сделалось полезным для всего края, он организовал мастерскую для изготовления образцовых сидеек. Работавшие под его руководством около 30 человек из русской и бурятской молодежи обучались столярному, кузнечному и другим ремеслам.

Но особенной талантливостью почти во всех областях технической и умственной деятельности отличался Николай Бестужев, который был одинаково искусным механиком, портным, сапожником, литейщиком, художником и писателем. Он изобрел печь нового устройства, много

работал по усовершенствованию хронометров (особый вид часов, отличающийся необычайной точностью), для проверки которых по звездам он устроил обсерваторию с телескопом собственной работы, вел образцовое огородничество, изучал местный край, исследовал между прочим Гусиное озеро и производил наблюдения над землетрясениями, которые так часто происходят в Прибайкалье.

Поселенные в Селенгинске декабристы занимались, кроме того, обучением детей селенгинских обывателей, благодаря чему тамовшая, а также и кяхтинская молодежь, выросшая под влиянием декабристов, в течении многих лет носила на себе отпечаток этого благотворного влияния.

Вообще Бестужевы и Торсов много способствовали поднятию Селенгинска, маленького заштатного городка, в умственном и экономическом отношениях.

Поселенный в Петровском Заводе И. И. Горбачевский был для Петровского Завода тем, чем были для Селенгинска Бестужевы и Торсов. Высокие личные качества Горбачевского, его доброта и светлый ум сделали его центром немногочисленного местного общества и связали ему любовь и уважение всего местного населения. В образовавшемся около Горбачевского кружке читались русские журналы и книги и заграничные издания. Горбачевский получал между прочим „Колокол“ и „Полярную звезду“—журналы, издававшиеся в Лондоне Герценом. Особенно много в образовательном отношении получила от Горбачевского жаждавшая просвещения местная молодежь. Горбачевский был источником света и знания и для самого юного поколения Петровского Завода: он занимался с детьми своих знакомых и других обывателей, заводских служащих и канцеляристов. Гуманность Горбачевского выражалась и в его отзывчивом и участливом отношении к сильно поселенцам, которым он оказывал как моральную, так и материальную поддержку. Благодаря своему авторитету, Горбачевскому удалось остановить исполнением совсем уже было состоявшийся приговор волостного общества о выселении из завода евреев.

На заводе Горбачевский жил в собственном домике. У него была небольшая мельница, приносявшая чуть ли не убыток, так как в хозяйственные операции постоянно вмешивалась доброта и доверчивость Горбачевского. Купив зерно, он размалывал его и муку раздавал в долг жителям завода и окрестным крестьянам, при чем долги поступали туго, а то и вовсе пропадали. Поэтому в своем хозяйстве Горбачевский кое как сводил концы с концами. Будучи человеком небогатым, скорее даже бедным, Горбачевский не мог отказать в помощи бедняку, который у него просил. Случалось, у самого у него не было ни гроша, тогда он занимал у кого-

либо из знакомых рубль, два, три, пять и давал просившему. Когда в апреле 1861 г. была объявлена воля заводским рабочим, для Горбачевского открылось новое обширное поле деятельности. Он много и горячо хлопочет об устройстве нового быта вышедших на свободу рабочих. Покинутость предоставленных самим себе рабочих, развившееся вдруг между ними пьянство мучат и сердят его. Влияя на знакомых рабочих, он направляет решения волостного схода, посредничает между рабочими и заводским начальством.

Горбачевский является также одним из самых ранних кооператоров Прибайкалья, потратив много усилий на открытие в Петровском Заводе потребительской лавки, первой в Прибайкалье. Его же стараниями на Заводе было открыто училище. В 1864 г. Горбачевский был выбран в мировые посредники; это было официальным оформлением того положения, которое фактически он уже давно занимал в местной жизни.

Горбачевский и на поселении остался верным мятежному настроению своей юности и сохранял непримиримость и резкость ко всему, что было связано со старым порядком. Он никогда не считал дело декабристов ошибочным и всегда сожалел о его неуспехе.

Высоко гуманным характером отличалась также деятельность декабриста Мих. Карл. Кюхельбекера, поселенного в Баргузине. Он устроил в своем доме больницу и с успехом лечил всех обращавшихся к нему местных жителей. Эта бескорыстная и самоотверженная работа вывела его огромную популярность, любовь и уважение со стороны населения баргузинского района, тем более, что в ту эпоху официально организованной медицинской помощи сибирскому населению совершенно не было.

Неудачно сложилась жизнь на поселении декабриста М. Н. Глебова. Водворенный в Кабанске, вдали от товарищей декабристов, Глебов, находившийся при том в тяжелых материальных условиях существования, скучал и жаждал освобождения. Дни его тянулись безотрадной черной полосой. Он умер в Кабанске в 1851 г. насильственной смертью, будучи отравлен с целью ограбления.

Пребывание на поселении в Прибайкалье прочих декабристов (братья Борисовы, Оболевский, Вильгельм Кюхельбекер, Шимков, Муравьев), которые были потом переведены частью в Иркутский район, частью в Западную Сибирь, было слишком кратковременным, чтобы оставить заметные следы в местной жизни.

Из декабристов скончались в Прибайкалье: А. Н. Андреев (в 1831 г. в Верхнеудинске, сторея при пожаре), А. С. Пестов (в 1833 г. в Петровском Заводе).

в каземате), К. П. Торсов (в 1851 г. в Селенгинске), М. Н. Глебов (в 1851 г. в Кабанске), Н. А. Бестужев (в 1855 г. в Селенгинске), М. К. Кюхельбекер (в 1857 г. в Баргузине), и И. П. Горбачевский (в 1869 г. в Петровском Заводе). Кроме того в Петровском Заводе умерла жена декабриста Н. М. Муравьева — Александра Григорьевна Муравьева.

Влияние декабристов на Прибайкалье, как и вообще на Сибирь, было в высокой степени благотворным. Не пренебрегая никаким физическим трудом, никаким ремеслом, декабристы на этой трудовой основе строили рациональную хозяйственную деятельность, неизвестную ранее сибирскому населению, руководствуясь при этом указаниями современной им западно-европейской науки. Они стремились поднять уровень окружавшей их жизни и распространить свет знания на заброшенной далекой окраине России. Войдя в горести и радости местного населения, детально познакомившись с его нуждами и запросами, декабристы сделались лучшими практическими деятелями и знатоками местной жизни и вместе с тем выступали в роли защитников местного населения против злоупотреблений администрации, которая до этого не знала никаких сдерживающих границ своему произволу. Воспитывая в окружающих любовь к знанию, декабристы поддерживали в провинциальной сибирской глуши дух европейской культуры, старались приобщить возможно большее число людей к ее духовным и техническим приобретениям.

К сожалению, местных материалов, относящихся к пребыванию декабристов в Прибайкалье, собрано пока еще мало; поэтому не представляется возможным выяснить исчерпывающим образом, во всех деталях, несомненно огромное влияние декабристов на жизнь Прибайкалья.

Вскоре после ссылки в Забайкалье декабристов туда потянулись толпы новых изгнанников. Это были участники неудавшегося польского восстания 1830—1831 годов и тех революционных брожений, которые происходили в Польше в 30-х и 40-х годах 19 века.

Сохранявшиеся архивы Прибайкалья дали возможность составить список (далеко впрочем не полный) поляков, сосланных за этот период в Прибайкалье на поселения и в каторжные работы. Были сосланы на поселение: Филипп Гродзицкий (с. Пестеревское, Тарбагат.

вол.), Шимон Кржечвовский (с. Тарбагатай), Автон Сулемирский (с. Куналей, занимался там земледелием), Игнатий Пиора (Урлукская вол.), Карл Толянский (с. Пестеревское), Феофил Бембновский (с. Пестеревское), Константин Савичевский (Урлукская вол.).

Сосланы в каторжные работы и по отбытии каторги (большую частью на Петровском железодельном Заводе) водворены на поселения в Прибайкалье: Осип Богатко (с. Харауз), Иероним Гольштейн (Урлукская вол.), Леопольд Добровский (Тарбаг. вол.), Мечислав Зарембский (Куналейская вол., занимался там земледелием), Феликс Иордан (с. Харауз), Юлиан Иордан (там же), Андрей Козьминский (с. Барское), Франц Кноль (Ильинская вол.), Антон Авсиментовский (с. Харауз), братья Карпинские (Петровский Завод).

В большинстве случаев ссыльные поляки, лишь числясь приписанными к селениям, проживали в городах Прибайкалья и на золотых промыслах.

Польские изгнанники 30—40 годов и позднейшие (после польского восстания 1863 года) внесли, как и декабристы, много полезного в жизнь Прибайкалья. Они способствовали развитию здесь новых отраслей промышленности, напр., кондитерско-булочного производства, сыроварения, маслоделия и др. Так, К. Савичевский в деревне Шембелик, на Чикое, имел два завода: маслобойный по изготовлению орехового масла и мыловаренный (в 1859 году им было выработано масла на 12 тыс. рублей), в Петровском Заводе братья Карпинские варили швейцарские сыры и т. п.

Кроме этой промышленной деятельности поляки сделали много и для развития в крае изящных искусств—музыки и живописи. Они охотно занимались преподаванием иностранных языков и в особенности музыки. Благодаря им в Кяхте получила широкое распространение игра на фортепиано. В Кяхте же поляки часто давали музыкальные концерты, привлекавшие большое количество публики. Следует отметить, что между декабристами и ссыльными поляками в Прибайкалье, по местам поселения, поддерживалась тесная связь.

Таковы были два больших наслоения политической ссылки в Прибайкалье в 1-й половине 19-го столетия.

30-е, 40-е и начало 50-х годов 19-го века являются эпохой значительного раз-

вития и оживления экономической жизни Прибайкалья. Этому развитию способствовало прежде всего увеличение населения края. По архивным данным, относящимся к 1833—1836 годам, численность Прибайкалья выражалась в следующих цифрах душ м. п.: крестьян—17.136, купцов—131 (ими объявлено капиталов 850 тысяч рублей), мещан и цеховых—1577, дворовых людей—57, поселенцев, обзаведшихся домами—248, оседлых инородцев—1937, инородцев кочевых: бурят—28403, тунгусов—2583, итого 52.072 душ м. п., следовательно, более 100 тысяч душ обоого пола.

В связи с таким уплотнением населения в Прибайкалье зарождаются различные отрасли местной промышленности. Прежде всего значительно увеличилось сельско-хозяйственное производство, особенно в старообразческих волостях Прибайкалья, которые сделались житницей не только для тогдашнего Забайкалья, но и для Иркутского района, отпуская в продажу ежегодно свыше 500 тысяч пудов хлеба.

Вблизи Селенгинска в хозяйстве декабристов братьев Бестужевых разводились тонкорунные овцы (мериносы). Шерсть простых овец Прибайкалья получила широкий сбыт на Тельминскую суконную фабрику (в Иркутской губ.). Главными поставщиками этой шерсти были Хоринские и Селенгинские буряты.

В этот же период возникает Бичурское свеклосахарное производство, организованное частной купеческой компанией. Свекловица для выделки сахара разводилась крестьянами волостей, расположенных по Чикюю, и доставлялась на завод гужом. Другой сахарный завод (купцов Нерпина и Ременникова) существовал в Кяхте. На нем перерабатывалось до 10 тыс. пудов в год сахарного песка, привозимого из Китая. При этом заводе был устроен еще завод по выделке сафьяна. Вблизи гор, Верхнеудинска местным купцом Курбатовым были организованы стежанный завод и крупчаточная мельница.

Широкое развитие получила в Прибайкалье и старинная отрасль местного производства—кожевенная промышленность. Уже в 20-х годах 19-го века в Прибайкалье было 29 кожевенных заводов, из них 4 в г. Верхнеудинске. Значительно усилилась также и деятельность Петровского железодельного завода, на котором в указанную эпоху перерабатывалось чугуна ежегодно от

40 до 57 тысяч пудов, из которых от 22 до 27 тыс. перерабатывалось в железо разных сортов и отливалось чугуновых вещей до 13 тыс. пудов. Число рабочих занятых на заводе, в некоторые годы, доходило до 2000 человек.

Но из всех отраслей промышленности первое место как по размерам вложенных в дело капиталов, так и по количеству рабочих рук заняла золотопромышленность, начавшая развиваться в Прибайкалье в 40-х годах. Вообще промышленные капиталы в Сибири в эпоху 40—60 годов сосредоточились на золотопромышленности и в связи с этим в экономической жизни Сибири началось большое оживление—так называемая „золотая горячка“. За время с 1849 по 1874 год на приисках Чикойской системы (Верхнеудинского округа) было добыто около 500 п. золота. Навысшей степени своего развития золотопромышленность достигла здесь в период 1861—1865 год; когда добывалось 26 пудов золота в год, а число рабочих составляло в среднем 6278 чел. в год. В другом золотопромышленном районе Прибайкалья—Баргузинском—за время с 1854 по 1874 г. добыто золота 1321 пуд. Как и на Чикое, расцвет золотопромышленности в Баргузинской тайге падает из 1861—1865 г., когда добывалось 106 пудов золота, а рабочих на приисках было 11498 человек. Золотопромышленность привлекла значительное количество рабочих рук из прибайкальской деревни, особенно из волостей, населенных семейскими. Семейские по своим физическим качествам считались лучшими приисковыми рабочими по всей Восточной Сибири. Поэтому каждый золотопромышленник стремился нанять на свой прииск возможно большее число семейских. Так, в начале 80-х годов в одной только Мухоршибирской волости (разделенной впоследствии на Мухоршибирск., Никольскую и Ключевскую), было нанято на прииска 780 человек.

Золотопромышленники, эксплуатируя труд рабочих, получали огромную прибыль на затраченные капиталы. Добавочным орудием этой эксплуатации являлись приисковые лавки, в которых все товары продавались по очень высоким ценам, и производившаяся золотопромышленниками тайная продажа водки рабочим. При этих условиях рабочий в конечном счете получал при окончании операции такую незначительную сумму заработка, что вынужден был вновь закабалить себя на работы следующего года. В более худших случаях

рабочий не только не получал ничего на руки, но оставался в течении целого ряда лет неоплатным должником золотопромышленника. Все это вместе с другими неприглядными условиями приискового труда (недостаточное питание, чрезмерная продолжительность рабочего дня, плохая постанова медицинская помощи, телесные наказания и т. п.) имело своим результатом или бегство рабочих с приисков или „бунты“—то есть протесты и забастовки, которые, при неорганизованности рабочих, быстро подавлялись при помощи полицейских мер. В 1861 г. с Чикойских приисков Кандинского бежало 19 процентов всего числа рабочих, с Витимских приисков Герасимовых—23 процента. В 1862 г. произошли „возмущение и бунт“ (стачка рабочих) на Чикойском Николаевском прииске Сабашникова, в 1874—тоже стачка на Иоанно-Дамаскинском прииске (Баргузинск. окр.) Забайкальского Т-ва Гинцбурга и К^о, в 1879 г. не вышли на работу 150 чел. Иннокентьевского прииска на Чикое купчихи Краузе и т. д.

Со второй половины 60-х годов прошлого века золотопромышленность в обоих районах—Чикойском и Баргузинском начинает неуклонно падать.

В 1904 г. по Чикое было работавших приисков 16, рабочих—713 чел., добыто золота 5 с лишком пудов, по Джиде—4 прииска, рабочих 104, добыто золота 2½ пуда, в Баргузинском уезде (Витимская система) приисков 64, рабочих—1803, добыто золота 47 пудов. В 1914 г. во всем Прибайкалье добыча золота составляла 51 пуд.

50-е и 60-е годы прошлого столетия были для Прибайкалья, как и для всего Забайкалья, временем крайнего напряжения сил и средств. Завятие Россией Амура и первоначальное заселение этого края произошли в значительной мере за счет трудовых масс Забайкалья. При этом восточное Забайкалье должно было, в порядке принуждения, выделить часть своего населения для колонизации нового края, а на Прибайкалье была возложена тяжелая задача снабжать амурские экспедиции продовольствием, перевозить на Амур тяжелые осадные орудия (для фортов г. Николаевск), из которых каждое везлось на 60 лошадях, и прочее военное снаряжение и т. п. „Чего стоил для народа“, писал один из декабристов, „привоз тяжелых орудий до Читы—это страшное связать“.

Положение Восточной Сибири и Прибайкалья, как ее части, в 70-м годах

19-го века характеризуется в отчете генерал-губернатора Восточной Сибири Синельникова, который в отличие от ряда своих предшественников и преемников старался вникать до некоторой степени в нужды и запросы широких масс восточно-сибирского населения. В отчете указывалось на многочисленность жалоб со стороны крестьян на то, что им приходится платить „темных поборов“ (взятки чиновникам) более 10 рублей с рабочей души, что при отбывании дорожной повинности натурой приходится ездить за десятки и даже сотни верст от своих селений, что уездные власти чинят разного рода притеснения. Крестьяне заявляли, что из темных поборов производится жалование волостным писарям от 2000 до 4000 рублей с волости, из которых значительная часть уделяется на взятки исправникам и другим чинам полиции. Есть исправники, получающие до 9000 р. „темного побора“. На золотых приисках господствуют пьянство и разврат, и золотопромышленность способствует скорее народному развращению, чем обогащению государства. Пьют не только на приисках. Весь сибирский народ поголовно спивается. В угоду акцизным чиновникам полицейские власти вымогают у крестьян приговора на открытие в селениях новых кабаков. После введения в 1863 году в Восточной Сибири акцизной системы, цифра потребления в ней водки перескочила сразу в год с 700 тыс. ведер до 1 мил. 400 тыс. ведер. И такое количество вина потреблялось населением не в силу увеличивавшихся среди его достатков и торговых оборотов, а в большинстве случаев от печального сознания, что ему нечего надеяться на лучшее будущее.

Такова мрачная картина положения широких масс населения Восточной Сибири, нарисованная в официальном отчете.

Совершенно противоположными чертами характеризуется в ту эпоху положение торгово-промышленного класса в Сибири вообще и в Прибайкалье в частности. Золотопромышленность, Кяхтинская торговля с Китаем, винокурение, казенные подряды, монопольный характер торговли—все это доставляло огромные прибыли промышленникам и купцам, создавая этим основу социального могущества местной буржуазии, которая посредством подкупа держала в своих руках и все управление краем. Назначенный на должность ген.-губернатора Вост. Сибири Муравьев, ознакомившись с положением дел в Восточной Сибири, писал: „Я нашел

здесь весь народ под влиянием и в руках, так сказать, богатых торговцев, промышленников и откупщиков, и всех чиновников правительственных, почти без исключения, на содержании и в услугах тех же богатых людей“.

Этот отзыв вполне соответствовал действительности. В Забайкалье и в Иркутском районе огромным могуществом пользовались купцы Кавдинские, купцы Черные царил в Баргузине. Правда, по отношению к отдельным представителям буржуазии, особенно сильно эксплуатировавшим население, местная администрация со времени Муравьева начала принимать репрессивные меры. Так, например, Муравьевым было издано распоряжение о точном выполнении существовавшего закона о непризнании действительными бездокументных долгов. Вследствие такого распоряжения фирма Кавдинских, „бездокументными“ должниками которой являлось главным образом множество крестьян и инородцев, была совершенно разорена. Конечно, такие меры были бессильны поколебать могущество буржуазии, основанное на экономических особенностях края.

Сила и влияние восточно-сибирской буржуазии пошли на убыль лишь после того, как обозначился перелом в хозяйственных условиях местной жизни. Со второй половины 60-х годов начинает падать золотопромышленность. В то же время начал назревать кризис и в Кяхтинской торговле. Открытие портов Китая для иностранной торговли, разрешение русским правительством ввоза чая через западную границу, прорытие Суэцкого канала, значительно сократившее морской путь с Дальнего Востока в Европу,—все это вело к упадку Кяхтинской торговли, а следовательно к уменьшению прибылей, получавшихся от этой торговли сибирским и российским купечеством. Показательным был факт, что на Нижегородской ярмарке 1864 года чай, привезенный через Европейскую границу, оказался на 20 рублей с ящика дешевле Кяхтинского. Уменьшаясь постепенно в своих размерах, знаменитая некогда Кяхтинская торговля в начале 20-го века, после проведения Сибирской и Восточно-Китайской железн. дорог, сошла почти на нет.

Параллельно с этим процессом изменений в области торговли происходили изменения и в хозяйственной жизни народных масс Прибайкалья. В связи с уплотнением крестьянского населения во

многих волостях Прибайкалья, особенно в старообрядческих, начинает чувствоваться земельное „утеснение“, под влиянием которого прежние захватные формы землепользования постепенно заменяются формами уравнительными, а с другой стороны — начинает развиваться (с 50-х годов) переселение части прибайкальского крестьянства (главным образом старообрядцев) на Амур и в Восточное Забайкалье. Отсутствие путей сообщения вело к тому, что в урожайные годы сельскохозяйственное население Прибайкалья не знало, куда деваться с хлебом, и, продавая его на местах за бесценок, не имело возможности вернуть даже затрат производства.

Что касается административных учреждений Прибайкалья, то, хотя с 1851 года они входили в состав особой Забайкальской области, выделенной из территории прежней Иркутской губернии, характер их сохранился прежний: правительственно-бюрократическая опека во всех отраслях жизни, сопровождаемая взяточничеством, порками по суду и без суда и всяким произволом, крайняя незначительность мероприятий и средств, направленных на поднятие культурного уровня народных масс, на организацию агрономической, медицинской и ветеринарной помощи населению и т. п. Все земское хозяйство края находилось в распоряжении чиновников местной полиции.

В таких чертах представлялась жизнь Прибайкалья к началу 20-го века.

Эпоха революционного движения 60-х и 70-х годов 19 века, отдельные проявления которого неуклонно подавлялись царским правительством, ознаменована притоком в Сибирь, в особенности за Байкал, новых многочисленных кадров политических ссыльных и прежде всего — поляков, участников польского восстания 1863 года. В конце 1865 года число солдатных в Сибирь поляков доходило до 18.000 тысяч человек, при чем в одном Иркутске было сосредоточено до 2000 человек. Часть их в числе более 700 чел. была поставлена на работы по сооружению Кругобайкальского тракта. И вот среди этой группы созрел план поднять вооруженное восстание, пробить себе дорогу в Монголию и таким образом вернуть свободу.

Работы по сооружению тракта производились на протяжении 200 верст от Култук до станции Лихановской. Рабочие ссыльные были распределены по отдельным пунктам тракта партиями от 30 до

100 человек. Восстание было начато 25 июня 1866 г. вблизи Култук, где поляки в числе 50 человек отняли у конвойных оружие и, захватив казенных лошадей, отправились по тракту по направлению к Посольску. Восставшие назвали свой отряд „Сибирским легионом вольных поляков“. Получив известие о восстании, Иркутская администрация приняла экстренные меры: на пароходах был переброшен через Байкал в Посольск отряд пехоты под начальством майора Рика, из Селенгинска к Посольску было двинуто два конноартиллерийских орудия и 600 казаков.

Между тем повстанцы, арестовав офицеров, командовавших конвоем, и заведывающего работами подполк. Шаца, пришли на ст. Лихановскую, в 25 верстах от Посольска, но, увидев подошедший сюда же отряд Рика, отступили, после перестрелки, к ст. Мишихе. По пути отряд пополнялся из партий, работавших в различных пунктах тракта, и в Мишихе численность вольского отряда доходила до 250 человек. Положение восставших не обещало успешного исхода их предприятия: между руководителями восстания (Шеллинский, Шарамович, Ельшенич) происходили разногласия, вооружение повстанцев было плохое и состояло главным образом из пик, кос, небольшого количества солдатских ружей, бурятских кремневок и т. п. 28 июня вблизи Мишихи между повстанцами и правительственными войсками произошел бой, решивший судьбу восстания. Повстанцы были разбиты. Часть их, отдельными небольшими отрядами, ушла в Прибайкальские хребты. В последующие дни в разных местах по берегу Байкала воинские команды имели перестрелку с поляками, при чем перевес был всегда на стороне правительственных войск.

Ушедшие в тайгу партии поляков более 3-х недель блуждали по неизвестным им горам и лесам, питаясь лишь черемшой и ягодами. Некоторые из этих партий вышли из хребтов Хамар-Дабана на Селенгинскую степь в долины рек Темника и Иро, но были окружены и взяты солдатами, казаками и бурятами. Ликвидация восстания заняла целый месяц. За время восстания было убито повстанцев 34 человека, со стороны правительственных войск — 6 человек.

По приговору военно-полевого суда четверо признанных главными организаторами и руководителями восстания (Шеллинский, Шарамович, Райнер и Котиовский) были расстреляны 15 ноября 1866 г. в окрестностях Иркутска. Другие участники

65006

Иркутск. ГИ. ФОНДА

восстания были осуждены частью в каторжные работы, частью на поселение в разные отдаленные места Сибири.

Большинство участников общероссийского революционного движения второй половины 19-го века также не миновали Забайкалья. Отбыв каторжные работы на Каре или в Акатуе, они водворялись на поселение по разным районам Забайкалья. В указанную эпоху для поселения политических ссыльных в Прибайкалье правительством был облюбован город Баргузин. В то время Баргузин представлял из себя заолустный маленький городок, в котором, по словам одного из живших там ссыльных, не было ни аптеки, ни пожарной команды, ни малейшего намека на какую-либо булочную или колбасную, не было и телеграфа. Духовной пищи в городе также никакой не было; не было ни собрания, ни библиотеки. Времяпрепровождение баргузинских обывателей заключалось главным образом в выпивке и в карточной игре.

Как известно, первыми политическими ссыльными в Баргузине были декабристы братья Кюхельбекеры. В 1862 г. сослан был в Баргузин за пропаганду среди солдат подпоручик Измайловского полка Николай Григорьев.

С конца 70-х годов в Баргузине образовалась целая колония политических ссыльных. Там жили: Е. К. Брешковская, Н. Тютчев, О. М. Окушко, Торгашев, Любовец, Рашков, Морейнис, Горяинов, Баломез, Гернет, Чачковский, Линев, Черневский; рабочие: Богданов, Агапов и Шадрин, врач Дубровин, Павел Ковалев, Лобанов-Лобанчук, позднее в конце 90-х годов П. С. Ивановская (Волошенко), С. Майер и др. *сестра жены Короленко*

Баргузинские обыватели относились к политическим очень дружелюбно. Местная интеллигенция—врач, купцы, промышленники—завязывали с ними знакомство, приглашали в качестве учителей, давали кое-какую работу. Считалось за честь принимать у себя и бывать у „государственных преступников“.

В Селенгинске жили на поселении Кардашев, Шамарин, Брамсон, Кроль, Наддачин и др. Жизнь политических ссыльных в Селенгинске протекала в тяжелых условиях. Полная заброшенность, отчужденность, отсутствие каких-либо занятий, крайняя нужда—все это довело маленькую колонию до ужасного положения. Один из ссыльных—юноша Наддачин не выдержал и бросился с высокого утеса (полу-

чившего впоследствии название „Наддачин“) в Селенгу.

Позднее в Селенгинске проживали на поселении И. Ф. Волошенко, Софья Лешерн фон-Герпфельд, в Троицкозавске—А. Чарушин, в Петровском Заводе—Г. И. Шеффер, (в Верхнеудинске—А. А. Спандони, Д. Ф. Мирский, Е. Н. Ковальская, М. К. Маньковский, Г. И. Фомичев, А. Ф. Андрузский; вблизи Верхнеудинска—Л. В. Фрейфельд;

Политические ссыльные являлись в глухих, заброшенных уголках Прибайкалья настоящими учителями подросткового поколения. Крайний недостаток интеллигентных сил в крае пополнялся политическими в качестве учителей, медиков, техников и т. п. Под влиянием политических ссыльных среди инертного местного общества начали мало-по-малу распространяться идеи о лучшем устройстве государственной и общественной жизни, стали возникать всякого рода культурно-просветительные начинания (библиотеки, народные чтения, воскресные школы и т. п.), получила широкое распространение неизвестная здесь ранее „незаконная“ литература.

Благодаря этой работе политических ссыльных городское и отчасти сельское население Прибайкалья было до некоторой степени подготовлено к тому, чтобы сознательно отнестись к революционным событиям, развившимся по всей России в конце 1905 года.

Революционное движение 1905 г. в Забайкалье было самым тесным образом связано с событиями Европейской России. В годы, непосредственно предшествовавшие революционной буре, в городах Прибайкалья и по линии только что сооруженной Забайкальской жел. дороги—в связи с увеличением населения и с развитием экономических отношений края—происходит значительное оживление общего темпа жизни. Среди рабочего населения идет усиленная работа по организации профессиональных ячеек, возникают местные группы социалистических партий, ведется политическая пропаганда и агитация, появляются органы местной печати («Верхнеудинский Листок», «Байкал» в Троицкозавске). Ближайшими предвестниками революционных событий в Забайкалье явились волнения и стачки рабочих и служащих Забайкальской жел. дор., начавшиеся с осени 1904 г.

Общероссийское революционное движение 1905 года, при своем распространении на Сибирь, шло по пути великой

сибирской дороги, концентрируясь сперва на больших станциях дороги, где имелись депо и мастерские с массой рабочих, охватывало далее всех железнодорожных служащих и затем незначительными ручейками просачивалось в глубину необозримых лесов и равнин Сибири, среди крестьянского населения. Развитию революционного движения в Забайкалье способствовало быстрое проникновение революционных идей в ряды войск, возвращавшихся после русско-японской войны через Забайкалье в Европейскую Россию. Главные события революционного периода в Забайкалье происходили в Чите. Прибайкалье и его центр—Верхнеудинск перереживали лишь отражение происходившего в Чите.

В Верхнеудинске известие о манифесте 17 октября сопровождалось уличными манифестациями и митингами. В местной печати началось свободное обсуждение всех политических вопросов и резкая полемика между демократическими и реакционными группами. Органом последних была „Верхнеудинская Конституционная Газета“, под заголовком которой указывалось, что эта газета является органом „временной либерально конституционной партии в Верхнеудинске“. В это же время возникли местные отделения союза почтово-телеграфных чиновников и союза учителей, Управление Забайк. жел. дорогой перешло в руки ж. д. рабочих и служащих, во всех мастерских и депо ж. д. явочным порядком был введен 8-ми часовой день. Со середины ноября началась почтово-телеграфная забастовка, закончившаяся передачей почтово-телеграфных учреждений самому населению.

В сельских местностях Прибайкалья революционное движение 1905 г. отразилось слабо. Только там, где ненормальность сложившихся социально-экономических отношений ощущалась особенно остро, крестьянство выражало свое настроение в приговорах. Так, в декабре 1905 г. Кударинский волостной суд постановил приступить к пользованию землями и рыбными ловлями на Байкале и Селенге, принадлежащими архиерейским домам и монастырям, и отказать сельскому духовенству в земле и руге (натуральном сборе).

Подавление революционного движения в Европейской России имело своим результатом быстрое падение революционной волны в Забайкалье. И расправа, учиненная в январе и феврале 1906 г. генералом Ренненкампом над забайкальским населением, происходила тогда, когда рево-

люционный движение в Забайкалье было уже в значительной мере фактом прошлого.

Несмотря на то, что рабочие и служащие Забайк. жел. дороги в лице так называемых „смешанных комитетов“ произвели в течение революционного периода огромную работу—с необычайной быстротой привели в порядок хронически засоренную линию, довели провозоспособность дороги до 20 пар поездов в сутки, обеспечили войскам, стоявшим в Маньчжурии, правильный подвоз необходимых продуктов, избавили Забайкалье от голода,—на них первых обрушилась карательно-мстительная расправа экспедиции Ренненкампа.

В Верхнеудинске 12 февраля 1906 г. были повешены: смотритель материального ж. д. склада—Гольдсобель, слесарь Шульц, помощник начальника саужбы тяги инженер Медведников, слесарь Гордеев и машинист Милютинский. Остальные 8 человек из преданных „Ренненкамповскому суду“ были посланы на каторгу. На станции Хилок 18 февраля того же года были повешены железнодорожные рабочие и служащие: слесари Галов, Боровицкий, Розенфельд, помощник машиниста Марчинский, конторщики Шидловский, Микиртычев и Иванов. Остальные 11 человек были сосланы на каторжные работы.

В феврале 1906 г. в Чите „судом“ Ренненкампа был постановлен смертный приговор по делу редакционного коллектива газеты „Верхнеудинский Листок“—Шнякина, Мирского и Окунцова. Этот приговор в свое время наделал много шума,—поднялась агитация в печати, Петербургский Союз писателей обратился к обществу, протестуя против вынесенного приговора. В результате смертная казнь всем троим была заменена бессрочной каторгой. Ренненкампф не ограничился только „судебной“ расправой. Громадное количество служащих на жел. дороге и прочих обывателей края было удалено с должностей и выслано из пределов края. Особенно разгрому подверглась линия Забайкальской жел. дороги. Ренненкампф составил огромные проскрипционные списки на основании жандармских показаний, и сотни людей были выброшены за борт по мановению генеральской руки. Разгром дороги сказался небывалым количеством катастроф как с товарными, так и с пассажирскими поездами.

В апреле 1906 г. миссия Ренненкампа была признана оконченной, и у него было отобрано право жизни и смерти над усмиримой страной.

Независимо от этого быстро окончившегося периода революционной бури, в Прибайкалье с самого начала 20-го века начал совершаться глубокий переход экономической жизни края. Этот переход был связан с проведением железной дороги. Облегчение, при помощи железной дороги, сношений Прибайкалья с внешним миром сказалось прежде всего в быстром увеличении городского населения. В то время, как общее количество населения Забайкальской области к 1914 г. (976.229 душ обоого пола) сравнительно с 1897 г. (664.071 душ) увеличилась на 32 процента, население в городах Забайкалья увеличилось на 339 процентов. По отношению к общему количеству населения области городское население в 1914 году составляло уже 13,5 проц. (в 1897 г. — лишь 5,6 проц.). Кроме того появилась новая категория населения — жители железнодорожных поселков, возникших возле железнодорожных станций и крупных торговых селений.

Это увеличение городского потребляющего населения, устройство вблизи гор. Верхнеудинска военной базы, имевшее результатом сосредоточение здесь значительного количества войск, привоз из Европ. России по железной дороге большого количества товаров, необходимых сельскому населению — все это послужило могучим толчком к расширению в Прибайкалье зернового хозяйства. Но как раз препятствием к такому расширению производства зерна в значительном большинстве крестьянских селений, расположенных по долинам рек Хилка, Чикоя, Уды и в низовьях Селенги, являлось иссякновение фонда земель, пригодных под распашку. Экономическим обследованием, произведенным в конце 19-го века, был установлен факт малоземелья в значительном количестве крестьянских волостей, расположенных в центральном земледельческом районе Прибайкалья. Площадь распашки на одну наличную душу равнялась 1,19 десятины. Недостаток пашен и сенокосов крестьянское население этого района восполняло путем аренды указанных угодий частью у соседей — бурят, частью в казне. Повторное обследование, сделанное спустя 15 лет после первого, констатировало в указанном районе сокращение душевой запашки на 15 проц. (до 1,01 дес.), на тот же процент сократилось и количество голов скота, приходившегося на одно хозяйство (вместо 14,7 голов — 12,4).

Хозяйственная ценность земли повысилась благодаря также и тому, что во-

лости, расположенные вдоль больших трактов, прорезывавших Прибайкалье, — Московского и Кяхтинского — и строившие основы своего хозяйства на занятии извозом, должны были с проведением железной дороги перестраивать свое хозяйство, обратившись к земледелию.

И вот в процессе этой погони за землею развертывается явление социального порядка — расслоение земледельческих хозяйств края. Более сильные хозяйства, имеющие возможность усилить свою рабочую силу посредством найма, арендовать пашню у своих односельчан или у бурят, приобретая ту или иную сельскохозяйственную машину, усиленно расширяли свои запашки и тем самым становились еще более сильными, в то время как хозяйства маломощные, не располагавшие этими возможностями, должны были бросать насиженные места и уходить на сторону в поисках заработка, выбрасывая свою рабочую силу на рынок наемного труда. Расслоение это неуклонно возрастало: в 1897 г. такие „отсутствующие“ хозяйства составляли 14 процентов общего числа земледельческих хозяйств области, а в 1914 — уже 28 процентов.

Отмеченная выше тяга к земле Прибайкальского крестьянства далеко не удовлетворялась арендой близлежащих бурятских земель. При значительной абсолютной цифре этой аренды — 12 тыс. десятин в 1897 г. в Верхнеудинском уезде — относительная ее величина, при расчете на одно хозяйство, была слишком незначительна, чтобы смягчить остроту земельного вопроса в Прибайкалье.

Следует отметить, что и бурятское хозяйство в общем шло к упадку: с 1897 по 1914 год число кормежных единиц скота на одно хозяйство уменьшилось на 20 процентов.

Земельные отношения в крае, сложившиеся исторически на основе первоначального захвата земель, перешедшего со временем в так называемое «фактическое пользование», отличались крайней запутанностью и чересполосностью не только между общинами одной и той же группы населения (крестьяне, инородцы, казаки), но и между земельными дачами различных групп.

На протяжении всего 19-го века правительство неоднократно пыталось ввести некоторую упорядоченность в земельные отношения края, но так как оно преследовало при этом главным образом полицейские цели, стремясь предупредить столкновения отдельных групп населения

из за земли, то все эти попытки, не будучи построены на твердо установленных общих началах, не были согласованы одна с другой, применялись от случая к случаю и при этих условиях не столько упорядочивали, сколько расстраивали и еще более запутывали местные земельные отношения.

Начавшееся в самом начале 20-го столетия землеустройство должно было, пользуясь всеми новейшими достижениями землемерной техники, устроить земельные отношения „на твердых основаниях“, изъять излишки земель у многоземельных общин, увеличить путем прирезок земельные наделы общин малоземельных и по возможности устранить чересполосность.

Не смотря на такие задания, землеустройство в том виде, как оно было проведено в жизнь, не разрешило земельного кризиса.

Согласно закону о землеустройстве в Забайкалье пространство отводимых земельных наделов определялось «по соразмерности с существующим пользованием, но не свыше 15 дес. на наличную душу л. п.» Увеличение надела сверх 15-ти десятинной нормы разрешалось лишь в случаях „исключительно невыгодного положения наделов или особых условий быта наделяемого населения“. Отрезка от тех общин, у которых устанавливались земельные излишки сверх установленной нормы, могла быть произведена лишь в тех местах, где население найдет для себя наименее неудобным и стеснительным. Пашни и покосы могли войти в отрезку лишь при невозможности произвести отрезку другим способом.

Все эти узаконения в достаточной мере „забронировали“ многоземельные общины от возможности отрезки у них хороших земель в наделы общинам малоземельным. Поэтому увеличение землепользования малоземельных общин (а таких в Прибайкалье, особенно в крестьянских районах, — преобладающее большинство) могло происходить главным образом за счет прирезок из казенных земель, расположенных в гористых и лесных местностях и поэтому мало пригодных для сельскохозяйственного использования. Что касается казачьих земель, то их границы, установленные до землеустройства крестьянских и инородческих земель, были объявлены для этого землеустройства совершенно неприкосновенными. Таким образом, в общем и целом, землеустройство в Прибайкалье закрепило в каждой общине ту степень обеспеченности ее землей, которая существовала до землеустройства, и

лишь в незначительной мере изменило в ту или другую сторону размеры существовавшего ранее землепользования в отношении главных видов угодий — пашен и покосов.

Такие результаты землеустройства не соответствовали тем чаяниям, с которыми встретило его сельское население Прибайкалья. Безуспешность правительственных мероприятий в земельном вопросе вызвала со стороны населения ряд попыток разрешения конфликтов в области земельных отношений — „собственными средствами“ или, употребляя официальное выражение, „самочинно“.

Особенно острыми сделались столкновения на почве земельных отношений между крестьянским и бурятским населением, — столкновения, нередко сопровождавшиеся убийствами, сожжением жилищ и т. п. Вообще в десятилетие, предшествовавшее революции 1917 года, аграрный вопрос в Прибайкалье продолжал оставаться очень напряженным. Необходимым был какой-то выход.

Такой выход местная общественная мысль видела в поднятии производительности местного сельского хозяйства, во всестороннем улучшении сельско-хозяйственной техники, в развитии среди сельского населения кооперативного строительства.

Следует отметить, что стремление к улучшению сельско-хозяйственной техники уже проявилось среди сельского населения, выражаясь в неуклонном увеличении числа приобретаемых им сельско-хозяйственных машин. Так, в период с 1904 г. по 1910 год количество жнеек в крестьянских хозяйствах области увеличилось в 7 раз, косилок в 8, конных граблей в 6, молотилок в 8, 6 и плугов в 35 раз.

Указанная программа была развита на первом Забайкальском областном сельско-хозяйственном съезде, состоявшемся 1—10 марта 1912 г. в г. Чите. На тусклом фоне Забайкальской общественности с.-хоз. съезд 1912 года был довольно крупным явлением общественной жизни. На этом съезде те группы населения, которые обычно являлись лишь объектом бюрократического управления, имели возможность вывить, хотя и в урезанной административной цензурой виде, свои нужды, настроения и пожелания не только в узкой сфере вопросов улучшения сельско-хозяйственной техники, но и в более широкой области общественных вопросов, как они ставились всею совокупностью жизненных условий того времени.

Для характеристики состава съезда необходимо указать, что его членами были: а) местные сельские хозяева (крестьяне, казаки, инородцы), избранные на волостных и станичных сходах по одному представителю от каждой волости и станицы, б) представители от местных сельск.-хозяйственных, кооперативных обществ и товариществ, в) члены Забайк. Общества сельского хозяйства, г) специалисты местных агрономической, ветеринарной организаций и лесного управления.

На заседаниях принимало участие 358 человек, из них 258 членов съезда и около 100 чел. гостей. Что население придавало значение этому съезду, видно из того, что из общего числа волостей и станичных правлений (144) представители были присланы от 132 волостей и станиц. Поэтому речи, прения и резолюции на съезде довольно полно отразили социально-экономические отношения сельского населения Прибайкалья того времени. В этом смысле съезд, по выражению делегата Кударинской станицы, действительно был „историческим событием в летописи Забайкалья“.

Как и следовало ожидать, главное место среди вопросов, обсуждавшихся на съезде, занял земельный вопрос. Делегат Олинской волости (Восточное Забайкалье) назвал земельный вопрос „самым жгучим вопросом Забайкальского населения“, и если таким этот вопрос представлялся сравнительно обеспеченному в земельном отношении населению Вост. Забайкалья, то несравненно более тяжелым он был в малоземельном Прибайкалье. Делегат Вичурской волости заявил, что вследствие малоземелья „крестьянское дело совершенно пало. Крестьянину из-за этого является во всем недостаток, а из-за недостатков ему приходится уходить на целое лето на заработки и оставлять детей“. Делегаты Хонхойской, Мухоршибирской, Малокуналейской и друг. волостей указывали на бедственное в земельном отношении положение своих волостей. Единственный способ улучшить такое положение делегаты указанных волостей видели в увеличении крестьянских земельных наделов путем прирезок из бурятских земель.

Но такой взгляд встретил возражение со стороны бурятских делегатов на съезде. Эти делегаты (Харганатской и Хаоцайской вол.) указывали на то, что буряты, занимаясь скотоводством, ведут кочевой образ жизни, который сам по себе уже является препятствием для занятия хлебопашеством, что большая часть бурятских

земель для хлебопашества не пригодна и что скотоводство падает вследствие недостатка пастбищ. „Какая участь“, говорил делегат Харганатской волости, „постигнет скотоводческое хозяйство бурят после окончательного землеустройства, когда они будут наделены по 15—30 десятин на душу, печально даже говорить“. Бурятские делегаты ходатайствовали «об оставлении их в кочевом состоянии, в котором испокон веков пребывали их предки и об оставлении и укреплении за ними родовых земель».

Таким образом на съезде рельефно выявился тот антагонизм на почве земельных отношений между крестьянами и бурятским населением Прибайкалья, который неуклонно возрастал с половины 19-го века и который не изжит и до настоящего времени.

Но и третья основная группа сельского населения области—казачество, группа более других обеспеченная в земельном отношении, была недовольна положением земельного вопроса на территории Забайкальского казачьего войска. Казачьи делегаты указывали на съезде, что Войсковое Хозяйственное Правление отбирало из землепользования станиц земельные участки и, зачислив их в войсковой запас, образовывало из них оброчные статьи, которые отдавались в аренду тому же казачьему населению. „Чуть явится какая нибудь доходная статья“, говорил делегат Куенгинской станицы, „то Войск. Хоз. Правление является первым и забирает ее в свои руки, а нас, казаков, отталкивает на задний план. Все драгоценное у нас, находящееся в наших дачах, забирает—или Войсковое Хоз. Правл. или Кабинет его величества“.

Выяснившаяся на съезде противоположность интересов главных групп населения области в сфере земельных отношений делала земельный вопрос неразрешимым путем добровольно обоюдного соглашения этих групп и логически подводила к вопросу о поднятии производительности земель, состоящих в пользовании населения.

Уже в первом докладе общего характера „об экономическом положении забайкальской деревни“ докладчик Ф. Я. Лебедев—перевел суждения о возможности разрешения местного земельного вопроса в новую плоскость. „Ведь в сущности все сводится к тому“, говорил докладчик, „что наш хозяин не умеет вести хозяйство на таком (15 десятинном) наделе. Но если бы он научился извлекать из этих 15 де-

сятин столько-же, сколько он извлекает теперь из 30 десятин, то и поводов роптать на землеустройство у него не было бы».

Что земледельческое хозяйство Забайкалья крайне нуждалось в улучшении своей примитивной техники,—в этом на съезде разногласий не было. Резолюции о необходимости всех мероприятий, направленных к поднятию сельско-хозяйственной производительности—опытных и показательных полей, искусственного орошения, применения искусственных минеральных удобрений, травосеяния, борьбы с вредителями, распространения знаний по сельскому хозяйству, планомерного снабжения населения усовершенствованными сельско-хозяйственными орудиями и машинами и проч.—приняты были съездом единогласно. Но в прениях по отдельным вопросам проскальзывали некоторые факты, которые ставили под сомнение слишком радужные надежды на возможность проведения в жизнь этих резолюций. Как было указано выше, первое десятилетие 20-го века в Забайкалье отмечено значительным распространением сельско хоз. машин и орудий. Но в связи с экономическим расслоением деревни эти орудия и машины обслуживали главным образом сильные хозяйства и оставались почти недоступными для хозяйств маломощных. «Из всего населения нашей области», говорил делегат Верхне-Талецкой волости, «около 80% составляют крестьяне—хлебопашцы, но не смотря на это забайкальцам часто нехватает хлеба для своего производства. Виной этому служит отчасти способ обработки земли, а отчасти истощение почвы. Первобытная соха в культурных странах давно заменена усовершенствованными плугами, и ее можно видеть только в музеях, а у нас она работает, как говорится, во всю. Правда, в данное время есть и в нашей области казенные и частные склады сельско-хоз. орудий, но эти орудия составляют достояние богатей, бедному же совершенно недоступны. Бедняку или малосостоятельному крестьянину в рассрочку не дадут хотя бы даже дешевенький одноконный плуг, так, как хотя у них и есть имущество, но есть за ними и частные и казенные долги». Ту же мысль выразила и Читканская волость, Баргузинского уезда, отказавшаяся прислать своего делегата на съезд и выставившая среди других мотивов отказа и такой: «Желательны, конечно, всякие улучшения в сельском хозяйстве; вопрос только в том, насколько они доступны населению при его малокультурности и бедных материальных средствах».

Таким образом на пути к широкому и всестороннему улучшению сельского хозяйства встречался целый ряд препятствий. Таковыми являлись, помимо общих социально-политических условий, отсутствие у широких масс населения производительного капитала, неорганизованность дешевого кредита, почти полное отсутствие организаций общественного типа по снабжению населения дешевыми товарами, сельско-хозяйственными орудиями и т. п. и все это на фоне усиленной работы в деревне частного торгового капитала, который посредством кредитования и высоких цен на продаваемые товары закабалял население и высасывал из него все соки. Такое положение приводило к необходимости всестороннего освещения на съезде вопроса о кооперации, в то время только что начавшей пускаться ростки в Забайкалье.

На съезде по этому вопросу было заслушано два доклада—о мелком кредите и о потребительских обществах. По первому докладу делегаты съезда отметили отрицательные стороны практиковавшегося в то время правительством казенного насаждения учреждений мелкого кредита. Было указано на канцелярскую волокиту при разрешении открытия кредитных товариществ, на незначительность отпускаемых государственным банком кредитов и основные капиталы товариществ и на чрезмерную высоту взимаемого за этот кредит процента. Констатировалось, что кредитные товарищества влачат жалкое существование, обслуживают только богатеев, бедноту в члены не принимают.

Что касается доклада о потребительской кооперации, то по нему, почти без прений, были приняты следующие «пожелания», характерные для первоначального периода развития потребительской кооперации в Забайкалье: а) об учреждении при сельско хоз. обществе особого бюро для распространения среди населения сведений о пользе потребительских обществ и для оказания помощи по их устройству, б) о распространении таких же сведений через агрономов, землемеров, сельскую интеллигенцию и других соприкасающихся с народом лиц, в) о введении в программу учительских курсов лекций по кооперации, г) о приобретении кооперативными учреждениями, общественными и школьными библиотеками популярной литературы по потребительской кооперации, д) о необходимости оказания помощи учреждениями мелкого кредита при отпуске обществами товаров населению в долг, е) о необходимости объединения как уже от-

кривится, так и нарождающихся обществ в областной союз.

В речах делегатов нашли себе отражение все большие вопросы Забайкалья того времени: развитие пьянства в деревне, крайне неудовлетворительная постановка дела народного образования, слабое развитие кустарной промышленности, плохое состояние путей сообщения, хищническое истребление рыбных богатств оз. Байкал и впадающих в него рек и много других подобных вопросов. Средством улучшения этого неприглядного положения местной жизни делегаты съезда считали введение в Забайкалье земских учреждений.

„Правительственные чиновники не могут помочь в улучшении хозяйства“, заявил делегат Ундинской станицы: „за это должно взяться само население в лице его представителей в земском самоуправлении“. Делегат Агинской волости высказал мысль, что вопросы о народном образовании, врачебной, ветеринарной и агрономической помощи населению и вообще мероприятия к поднятию экономического положения населения могут быть разрешены только путем учреждения в Забайкалье земского самоуправления. Все мелкие мероприятия Агинский делегат считал несущественными. Вопросу о земстве была посвящена речь, произнесенная при закрытии съезда делегатом Цаган Олуевской станицы: „Нам нужно прежде всего земство“, говорил он, „а остальное все явится само собой, как последствие. Само время покажет, что необходимо, куда дол-

жна идти жизнь; время переделает жизнь. И теперь нам не нужно подробностей, куда должна идти жизнь, какие нововведения должны прийти, дайте нам только самоуправление—земство, дайте нам этот зародыш лучшего будущего, и мы знаем, что этот зародыш, попадая, подобно семени в почву, в наше самосознание, пустит корни и разрастется на пользу нам и нашему будущему поколению. Мы живем накануне великих исторических событий“.

Земство, рисовавшееся, впрочем, в довольно смутных очертаниях, было таким образом высшей ступенью, до которой достигали в 1912 г. политико-общественные чаяния забайкальского сельского населения

Таковы были нужды, настроения и пожелания этого населения за два года до начала европейской войны и за пять лет до начала великой российской революции 1917 года.

Революционный период, начавшийся в 1917 году и внесший крупные изменения во все сферы как общероссийской, так и местной жизни, является новым периодом в жизни Прибайкалья. Освещающие этот период материалы нуждаются в обстоятельном и всестороннем изучении. Поэтому описание событий революционного периода не вошло в настоящий краткий очерк истории Прибайкалья и предположено к выполнению в будущем, по мере собирания и изучения относящихся к этому периоду материалов.

Вл. Гирченко.

6-00

